

Юрий Никитин и Юрий Молчан



рое из Леса возвращаются



ТАРГИТАЙ

Трое из леса

Юрий НИКИТИН

Таргитай

«Автор»

2023

Никитин Ю. А.

Таргитай / Ю. А. Никитин — «Автор», 2023 — (Трое из леса)

После ухода Мрака и Олега у ставшего богом Таргитая жить в удовольствие не выходит. То Числобог пошлет за тридевять земель, то Атлант попросит о помощи. На Сивке-Бурке прокатись, в вихре полетай, царскую дочку спаси... А тут ещё появляется жаждущий мести Перун, и Таргитай понимает, что от собственного «боговства» уже не отвертится.

© Никитин Ю. А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Пролог	5
Часть 1	6
Глава 1	7
Глава 2	17
Глава 3	25
Глава 4	30
Глава 5	33
Глава 6	38
Глава 7	43
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Юрий Молчан, Юрий Никитин

Таргитай

Пролог

Словно передумав нападать, птица стала подниматься выше, все сильнее и чаще лупя по воздуху крыльями. Наконец, громадный ворон превратился в черную точку и пропал среди массивных туч. Пики гор вокруг замерли в тишине.

Таргитай одним движением бросил Меч в перевязь.

Промет медленно открыл глаза. По бледному лицу заметно, что терпит страшную боль. Рана на животе перестала кровоточить, запеклась темной коркой.

– Ты... – проговорил велет глухим голосом. – Ты... помог, пусть и ненадолго! Избавил от мук...

– Род несправедлив, – сказал дудошник и печально покачал головой. – Люди же все равно его дети. Как и ты!

Лицо гиганта смягчилось, губы тронула улыбка.

– Я Промет... сметливый... многое знаю. Ты – мой потомок, что выбил себе место среди богов... Быть может, ты своим появлением разгонишь эту гниль в вирии и вернешь людям благословение, которое боги не торопятся передать. Скажи им, что люди не скот, чтобы его резали в жертву! Не послушные рабы, чтобы повиноваться каждому слову! Так и передай Роду! Место богов должны занять – люди! Помни об этом, Таргитай-Сварог!

Дударь кивнул. Вид у него растерянный, словно все еще не верит, что ему такое по силам.

Он смотрел с состраданием на исхудавшее тело гиганта, на его изможденное лицо. Но больше всего взгляд притягивает окровавленная рана на животе. Перед мысленным взором громадный ворон до сих пор стучит клювом, выедает у обреченного на муки велета печень.

Внезапно Таргитай изменился в лице. Пухлые губы сжались в прямую линию, глаза сверкнули решимостью.

– Это несправедливо! – воскликнул он с жаром. – Неправильно!

Шагнув к Промету, невр схватился за толстую цепь на правой руке велета.

В потухших глазах исполина проступило великое изумление.

Схватившись обеими руками, Таргитай что было сил потянул в стороны. Мышцы на руках под волчовкой пошли страшными буграми, точно заглотивший коня удав. Щеки покраснелись, будто их натерли свеклой.

Раздался едва слышный звенящий хруст, и в ладонях Тарха оказалось по обрывку тяжелой цепи.

Промет удивленно заметил, что невр излучает могущество и силу, какой обладают лишь обитатели вирии. Волосы струятся по плечам, как расплавленное золото. Из голубых глаз словно просвечивает само небо.

Дудошник схватился за цепь на второй руке исполина. С силой потянув в разные стороны, он стиснул зубы от напряжения – мышцы натянулись, точно веревка на ворота колодца. С мучительным стоном разорвал и вторую цепь.

Затем, смахнув пот, Таргитай нагнулся и с яростным ревом оборвал цепи на ногах.

Промет тяжело ступил на траву. Ноги едва заметно дрожат. Глаза на бледном исхудавшем лице светятся торжеством. Он вскинул к небу освобожденные руки.

– Свобода! – закричал он хрипло, чувствуя, как тело купается в налетевшем порыве холодного ветра. – Наконец-то, свобода!

Часть 1

Глава 1

Образы друзей всё ещё стоят перед затуманенным взором Таргитая. Хмурый, всклокоченный оборотень. Волхв с волосами цвета лесного пожара. Мысли обоих ясно читаются на лицах.

Мрак думает, как найдёт ту, что закрыл от ядовитого ножа. Олег – как отыщет мудрых магов, что снизойдут и научат премудрости. Обоих уже след простыл.

Дударь тяжело вздохнул, как будто на него обрушилось небо, и теперь приходится в одиночку держать эту тяжесть. Пальцы нащупали за пазухой драгоценную дудочку. Рядом наткнулись на длинное, пушистое и тёплое.

Жар, что идёт от Пера Власти, уже истончился до тепла, приятно греет живот и грудь под волчовкой. От Пера во все стороны идёт чистый, яркий, ослепительно белый свет.

Вытащив из кармана порток кусок ткани, он бережно обмотал им Перо и сунул за пояс рядом с сопилкой – да не узрят это чудо ни одни посторонние глаза.

Чувствуя беспросветную тоску, Таргитай нехотя двинулся по тропинке. Меч за плечами легонько бьёт в спину, толкает вперёд.

Ишь, думал он, как назло попало именно три дорожки. Будь всего две или вообще одна, то, глядишь, и не пришлось бы разбегаться.

Дударь ощутил себя голым на продуваемом всеми ветрами поле. Пусть уже и бог, а всё равно без надёжных друзей неуютно и зябко. Даже без Олега, который с перепугу обрушит на врага дерево или гору, а потом скажет, мол, я ж его и пальцем не тронул.

Всё теперь самому, никто не подставит плечо, не даст самый вкусный ломоть жареного мяса, не позволит поспать подольше.

Дорожка лениво петляет меж деревьев. Но вот уже раздалась вширь, пространство пошло в стороны, и лес остался позади. Под пыльными сапогами потянулась широкая, утоптанная дорога. Убегая вдаль, она вьётся в степи, подобно нескончаемой гигантской змее.

Куда ни кинь взгляд, зеленеет степь, темнеют рощицы. От них приглашающе веет прохладой. Ноздри щекочет запах трав, ароматы разогретой солнцем земли. То здесь, то там её вспучивают холмы, словно огромные звери, что пытались вылезти из Подземного мира, но не прорвали ковёр из травы, так и оставшись под ней навеки.

Над головой громко каркнуло. Таргитай задрал голову и едва успел отскочить. Сверху щедро ляпнуло белым, расплескалось по траве, будто птица терпела с неделю. Он передёрнул плечами, представив, что могло брякнуться на него, погрозил вороне вслед кулаком.

Золотоволосый варвар проводил взглядом плывущие по небу облака. Одно, самое крупное, похоже на замок со множеством башен и парапетов. Вон проступила морда дракона с распахнутой пастью, голова крылатого коня с золотистым рогом на лбу. А когда выкатился слепящий диск солнца, в нём Таргिताю почудился прекрасный лик смеющейся девушки.

В лицо ударил ветерок, разметал волосы по широким и покатым, как морские валуны, плечам.

Таргитай заметил яркую красивую бабочку. Она пролетела совсем близко, маша цветастыми крыльями, сама здоровенная, размером с богомола, мелькает в воздухе смазанным цветным пятном.

У дудошника от восторга округлились глаза. Он бросился за чудной бабочкой, стараясь рассмотреть получше, захотелось самому вот так же оторваться от земли и беспечно парить в небесах, ни о чем не заботясь...

В глаза ударило солнце. Тарх остановился и вскинул ладонь, закрывая лицо. А когда опустил руку, бабочки уже и след простыл.

Взгляд наткнулся на каменные глыбы, грозно темнеющие в высокой траве. Присмотревшись, понял, что это расколовшиеся от ветхости массивные каменные столбы.

Всё, что от них осталось, это массивные обломки, на которых едва видны нанесённые умелыми руками резы. Там же фрагменты изображений лиц, рук, сжимающих мечи или луки, диких зверей и людей со звериными головами.

Из любопытства Таргитай направился к камням, ноги понесли туда сами, словно их манит неведомая сила.

Острый глаз дудошника рассмотрел небольшую щель, куда едва поместится ладонь. Любопытство разыграло сильнее. Он сам не заметил, как оказался рядом, и вот уже руки разбрасывают массивные камни, расширяя узкую тёмную щель, из которой тянет холодом и сыростью.

Почудилось, что снизу доносится едва слышный стон. Невр продолжил отбрасывать камни и землю, разгребая широкими дланями.

Когда лаз расширился так, что туда спокойно смогла бы протиснуться отошавшая корова, Таргитай с трудом пролез и осторожно начал спускаться. Под ногами тихо постукивают каменные ступени, тихо шуршат мелкими камешками, уходят вниз в темноту.

Снизу веет могильным холодом, поднимается затхлый воздух. Тем не менее зов, что привёл к этим камням, усилился, стал мощнее, настойчивее. Дудошнику почудилось, что уже ясно различает усталый, едва слышный голос – он призывает сойти вниз, узреть нечто важное, такое, ради чего стоит спуститься в кромешную тьму заброшенного подземелья.

Проход между плитами, в который спустился Таргитай, остался далеко наверху. Дневной свет превратился в тусклое пятно.

Наконец, ступени упёрлись в каменный пол, и в полумраке дударь с трудом различил возле себя стену, а на ней – факелы в металлических держателях.

Он шагнул к стене, но тут же по ногам больно ударило, так что едва не взвыл. Нагнувшись, нащупал массивный сундук, который тут же рассыпался под его пальцами.

На сапоги Таргिताю со звоном хлынули монеты, засияли самоцветы, ловя гранями каждую частичку тусклого и рассеянного света.

Невр увидел, как мелькнул и тут же исчез маленький кожаный мешочек. Мигом запустил руку в прохладную россыпь монет и самоцветов, ухватил. Внутри, как и думал, оказалось огниво и трут.

С пятой попытки Таргитай сумел-таки высечь искру, вспомнив, как это ловко и быстро делал Олег. Из нашедшейся тут же ветоши развёл крохотный костерок, швырнул туда обломки сундука, и вот перед ним уже пылает костер, давая большой круг света.

Из темноты выступили увешанные доспехами и оружием стены. В пляшущем свете огня тускло блестят металлические панцири, шлемы разных форм и размеров, кольчуги из крупных, средних и совсем уж мелких колец.

Вытащив из ближайшего держателя факел, невр запалил его от костра и двинулся вдоль стены, осматривая помещение.

Он оказался в просторном зале с выгнувшимся над головой потолком. На стенах вперемешку с кольчугами и панцирями – множество разных щитов: круглых, треугольных, квадратных и вытянутых, похожих на длинные капли. Там же угрожающе висят массивные боевые молоты, мечи, клевцы, палицы, кинжалы всех размеров и мастей.

У стен расположились массивные и неуклюжие сундуки. В некоторых мыши прогрызли дыры размером с кулак, другие и так развалились от ветхости.

Возле тех и других блестят золотые и серебряные монеты – квадратные и треугольные, многие с отверстиями посередине. В свете факела поблёскивают щедро рассыпанные самоцветы, огранённые драгоценные камни. Некоторые в искусной оправе из золота или серебра.

Внезапно под сапогом хрустнуло. Посветив под ноги, дудошник узрел тускло белеющие во тьме кости. Тут словно полегло в битве с десятков воинов – мрачно белеют разодранные скелеты. Некоторые практически целы, оторваны только руки или ноги. Рёбра словно растоптаны громадной широкой ногой, заметен след от огромного сапога, черепа угрюмо смотрят на невра провалами глаз.

Подняв факел выше, он увидел впереди, аккуратно посреди каменного зала, возвышение. Ведущие к нему ступени покрывает толстый слой пыли. Взгляд упёрся в могильную плиту поверх широкого гроба.

Гроб выглядит поистине величественно – вырезан из цельного куска гранита с тёмными и белыми слюдяными прожилками. Размеры немалые, видно, что в него положили могучего воина.

Таргитай охнул, но любопытство влечёт туда, к этому массивному саркофагу из камня.

Под ногами вновь захрустели кости, хоть невр и старается не тревожить покой усопших и не растаптывать пальцы, конечности или черепа, которые будто провожают его строгими, укоряющими взглядами.

Каменный гроб приближается с каждым шагом. Ветерок треплет оранжевое пламя факела в руке Таргитая. За спиной, выстреливая вверх оранжевыми светлячками искр, жадно пылают костер. Дударь, чтоб сделать светлее, набросал туда гору разбитых крышек от сундуков, так что пламя теперь взвилось чуть не до самого потолка, мощно разгоняет темноту.

Он повернул голову и вдруг замер. Справа от гроба из массивной плиты торчит наполовину погружённый в камень меч. Рукоять сделана настолько искусно, что невр буквально прикипел взглядом, не в силах отвести глаза от этой дивной, божественной красоты.

Лезвие, что торчит вместе с рукоятью из плиты, широкое, как ладонь Таргитая, там видна идущая по всей длине выемка для стока крови. Металл отливает голубоватым светом, но тут же неуловимо меняется на золотистый, пурпурный.

Пару мгновений дудошник стоял, разинув от удивления рот. Затем шагнул к плите.

В темноте вдруг прокатился мощный вздох. Таргитай замер, принялся осматриваться, поводя вокруг себя пылающим факелом. В тот же миг по огромному склепу прокатился могучий голос с нотками неимоверной усталости, отражаясь эхом от стен и потолка.

– Надо же... Еще один явился...

От каменного гроба начал струиться свет. Идёт из-под самой крышки, словно там не мертвец, а землянка, в которой, встревоженные его появлением, пробудились хозяева и зажгли пару лучин.

– Я ж вас, подлых охотников до чужого добра, бил-крушил, а вы всё лезете и лезете, как тараканы.

– Я слышал зов, – торопливо сказал Таргитай, оправдываясь. – Кто-то звал на помощь, призывал спуститься...

– Проклятье! – отвечивал голос с раскатистым эхом. – Вот ведь дожил... В смысле, доумирался... Меч сам уже призывает каждого, кто подходит к кургану. Вот и ты услышал его зов. Тут уж я бессилен...

Золотоволосый варвар выпятил грудь колесом.

– А ты кто такой будешь? – спросил он с любопытством.

Голос устало ответил:

– Так-так... Зрю – ко мне явился не простой охотник пограбить могилы. Никак сам новый бог, сумевший взнудать Ящера, почтил моё последнее пристанище!

– Кто ты? – снова спросил Тарх, радуясь, что таинственный голос смягчился. После расставания с друзьями на душе одиноко и горько, в драку лезть неохота. Сесть бы в уютном месте, наесться от пуза да поиграть на дудочке.

– Я – Гардей! – донеслось из каменного гроба. – Было время, когда я и моя дружина, верные и преданные соратники... сражались с нечистой, защищая эти земли! Мы не давали земледельцам сгинуть. Много... много воды утекло с тех пор, Сварог.

Голос продолжил, теперь уже с горечью и сожалением:

– Я давно уж один. Дружина пала. Я один выжил, стоял до последнего! Мы очистили эти земли от древнего зла – навий, дивов и велетов! Потомки, наверняка, и не помнят ни наших подвигов, ни имён...

Таргитай уважительно покрутил головой.

– Слава тебе, богатырь! О тебя я не слышал. Но рад, что ты ещё не до конца... того... ну, помер.

– Этот Меч... – проговорил низкий незримый голос. – Многие приходили, чтобы его добыть. Перед смертью от ран в битве с вожаком дивов я погрузил клинок в камень. Лишь достойный сумеет им завладеть! Недостойных слишком много...

Голос замолк, затем зазвучал снова. Невру в нём почудилось облегчение.

– Наконец, явился тот, кому я с гордостью передам оружие, что служило мне верой и правдой! Бери его, Сварог! Меч Перуна, как я слышал, ты перековал в чашу, ярмо и орало. Надеюсь, с моим подарком так не поступишь.

Несколько мгновений дударь стоял, хлопая глазами и созерцая чудесное оружие. От удивления у него отвисла челюсть, как у коровы, едва не доставая до пола.

Наконец, шагнул к плите, в которой исходит сиянием клинок, с хрустом раздавив остатки чьи-то кости. Факел лёг на плиту, пламя принялось плясать над холодным камнем.

Ухватившись за рукоять обеими ладонями, Таргитай почувствовал, что меч врос в плиту намертво. Он продолжил тянуть, чувствуя, как от страшного напряжения вздуваются мышцы на руках и спине.

Меч начал медленно поддаваться. Лезвие дрогнуло, затем начало выходить из каменной поверхности со скоростью ползущей улитки.

Богатырь ощутил, как лицо омывают горячие струйки. Мышцы протестующе взвыли, но руки продолжают вытаскивать меч. В глаза бьёт идущее от клинка сияние, что разгорается всё ярче.

Наконец, сопротивление исчезло, и Таргитай отшатнулся, едва не опрокинувшись на спину. Руки крепко сжимают рукоять, а широкий сияющий клинок горит перед глазами, переливается голубоватым и золотистым.

– Прощай, мой верный друг, – прогудел голос из сияния под крышкой гроба. – Ты всегда без устали разил недругов!

Дудошник тряхнул головой, всё ещё созерцая чудесное оружие. От зажатой в ладони рукояти по всему телу растекается странно знакомое тепло. С головой накрыло чувство неуязвимости, опутало, точно рубашка из металлических колец, что сидит плотно и легко, словно сделана как раз по нему.

Он смутно ощутил идущую от Меча жажду – крови, смерти, напитка, слаще которого ничего нет для богов – людских душ.

– Где ты добыл этот клинок? – спросил Таргитай, с трудом вытолкнув из себя слова.

– Этот меч в древности, – произнёс Гардей с сожалением, словно хочет вернуться в те самые времена, о которых рассказывает, воротить себе жизнь, молодость и богатырскую силу, – ковали гномы для самого Перуна! Он долго разил им врагов, омывал клинок в их крови и слезах их вдов. Но потом он оставил Меч в тайнике для героя, который сумеет его найти! Я сумел... добыл... и вот теперь передаю другому... достойнее чем ты, Сварог, никого вокруг...

Голос принялся затихать, истончаться, словно говорящий удаляется прочь. Свет под крышкой саркофага погас.

Единственным источником остался горящий на крышке саркофага факел да Меч в руке Таргитая.

– Проклятый Перун, – пробормотал дударь, – ты меня обхитрил. Снова подсунул свой меч.

Он уже собрался бросить с таким трудом добытое оружие, за спиной в перевязи висит меч обычный, пусть и не столь могучий, но тоже вполне годный для сражений и битв.

Однако в голове настойчиво бьётся мысль, что если воевать за добро и справедливость, то лучше оружия, чем меч бога воинских дружин, не придумаешь.

Только на время! – пообещал себе Таргитай торопливо, словно оправдываясь. – Как только искореню несправедливость и зло, тотчас брошу или опять перекою во что-нибудь полезное!

Он зевнул, повёл широкими плечами. Усталость навалилась внезапно, словно весь день катил в гору огромный камень, а тот постоянно срывался и приходилось спускаться к подножию, чтобы вкатывать наверх снова.

От костра идёт сухой жар. Невр присел у костра и спустя минуту уже спал, привалившись к стене в двух шагах от потрескивающего огня. Рот на миг приоткрылся, а затем Тарх принялся легонько причмокивать пухлыми губами. Сложил широкие, как лопаты, ладони и по-детски подложил их под щеку. Пламя бросает на его скулы и лоб оранжевые блики.

Когда проснулся, от костра остались одни угольки. Оставив их тлеть – пусть тушит тот, у кого дел меньше, – он, освещая путь факелом, выбрался по ступеням наружу.

В очи ударил яркий свет. Когда глаза привыкли, Таргитай увидел, что солнце уже высоко. Вокруг зеленеет трава, в небе проплывают массивные, похожие на взбитые подушки облака. Поправив за спиной полученный от Гардея Меч, невр двинулся куда глаза глядят.

В животе громко урчит. Топая по выющейся среди деревьев дорожке, дударь принялся мечтать, чтобы попалась корчма или, на худой конец, харчевня, где можно будет неспешно перекусить, заморить червячка, отведать, откусать, угоститься, а потом уж поесть, насытиться и даже налопаться от пуза. Кушать уже давно не хотелось, теперь Таргитаю отчаянно хочется жрать.

Он выудил из-за пояса дудочку. Пальцы осторожно забегали по прорезанным дырочкам. Раздувая щёки, он принялся дудеть на разные лады. В сердце уже стала зарождаться новая песня – о крепкой, нерушимой дружбе. О любви. О селянах, что живут в радость, сеют, пашут, собирают грибы в лесу, а по праздникам водят хороводы и жгут костры до небес, славя богов.

Вскоре ноги вынесли на широкую утопанную дорогу. Он сошёл на обочину и дальше шёл, так и сая складывая слова, подгонял друг под друга, наигрывал мелодию, исправляя, улучшая, пробуя брать так и эдак.

Зелёный ковёр степи сменился золотом полей. Взгляд скользит по сторонам, замечая фигурки работающих там крестьян. На осеннем солнце поблёскивают серпы. Со смехом и разговорами мужчины и женщины срезают крупные спелые колосья, увязывают в снопы, и те стоят то здесь, то там на выкошенном поле, точно огородные пугала.

При виде дударя женщины поворачивают головы, мужчины хмурятся и сплёвывают. Взгляды полны осуждения: этот крепкий парень ходит без дела и дудит, когда мог бы вот так же, как они, заниматься неизбежным и тяжким трудом!

Селянки поглядывают с улыбками, вслушиваясь в музыку, что льётся из дудочки.

Таргитай и не заметил, как поравнялся с неспешно едущими по дороге телегами. Там громоздятся мешки с зерном, бочки с рыбой. Из деревянных клеток слышно кудахтанье, идёт стойкий запах навоза. Возницы подстёгивают коней, из-под колёс летят облачка пыли.

Впереди на солнышке ярким золотом сияют соломенные крыши домиков, торчат колодцы-журавли, лают собаки.

Он хотел уже обойти стороной эту вольготно раскинувшуюся деревеньку. Однако ветер донёс умопомрачительные запахи еды, и Тарх тут же представил себе целиком запечённого кабанчика с разваристой гречневой кашей, а потом еще жаренную с грибами картошку, холодный ягодный квас в пузатом кувшине. В животе жалобно квакнуло, напоминая, что ел в последний раз уже чуть ли не вечность назад.

Развернувшись, будто повинуюсь воле местного колдуна, Таргитай потопал к расположенным вдали хаткам.

Дальше на холме блистает гонтовыми крышами город. Выглядит надёжным и защищённым, стены из толстых ошкуренных брёвен стоят гордо, несокрушимо. За ними, как грибы после дождя, множество домов, в небо тянется дымок. На самой вершине холма видны башни княжеского терема из белого камня. Ветер треплет яркие прапоры.

Ворота гостеприимно раскрыты, словно приглашают, мол, заходи, тут и еда, и ночлег, и отдых. По дороге нескончаемым потоком внутрь тянутся гружённые телеги из сел. Из города везут мешки с намеленой мукой или едут порожними. Лица крестьян довольные – назад везут деньги, купленные для хозяйства товары.

Таргитай идет, уже предвкушая, как отыщет корчму, закажет лучшей еды. Жареный поросёнок хоть как-то поможет отвлечься от того, что остался без верных друзей. Дорогу в жизнь лучше протапывать на сытый желудок.

Вновь поднеся сопилку к губам, он принялся играть лёгкое, весёлое – о солнышке, речке, птичках в небе и доброй молодой вдове, что пустила на ночлег красивого пастуха.

Мелодия едва стала набирать темп, как за спиной загрохотала земля. Песня оборвалась, невр вскинул голову и обернулся.

Вдоль дороги несутся всадники. Семеро воинов на крепких поджарых конях, в лёгких доспехах из кожи с нашитыми булатными пластинами. На солнце блестят злые потные лица. С телег их провожают настороженными взглядами.

Позади на привязанных к сёдлам веревках, выбиваясь из сил, бегут измождённые люди. Волосы бедолаг спутались от пота. Лица покрывает дорожная пыль, грязные разводы. Сквозь прорехи в одежде пламенеют следы от плетей. Над ранами с жужжанием вьются толстые зелёные мухи, остервенело впиваются в мясо, в текущую из ран сукровицу. Пленники измождённо смотрят перед собой.

При виде золотоволосого парня с косой саженью в плечах воины натянули поводья. Все семеро смерили его взглядами, заметив огромный Меч в перевязи.

Повинуясь натянувшимся удилам, кони замерли. Воины бросили руки на рукояти мечей. Однако, заметив у здоровяка сопилку, а на лице – полузадаченное выражение с налётом мечтательности, убрали ладони от оружия.

Воины переглянулись. Тот, что впереди блестит на солнце вспотевшей лысиной, подал коня вперёд.

– Эй, ты! – гаркнул он. – Варвар, ты на земле князя Кологора! Ни один чужестранец не смеет топтать его владения без спросу. У тебя за плечами меч, но в руках дудка, хе-хе. Сомневаюсь, что умеешь пользоваться оружием. Отдай его добровольно, а сам отправишься с нами. Дударь нам как раз нужен. Ха-ха-ха! У князя сегодня пир!

Воины дружно захохотали. С виду этого парня распирает сила, но судя по детскому и наивному взгляду, сопилке в руках, мощью своей пользоваться не умеет. Похож на деревенского простачка, который где-то раздобыл меч, но, скорее всего, просто машет им, как дубиной.

Выражение на лице Таргитая поменялось. Небесная синева в глазах сменилась холодным отблеском льда. Вскинув ладонь, красиво демонстрируя вздувшиеся по всей руке мышцы, он коснулся рукояти Меча за плечом.

Краем глаза заметил, что на дороге всё замерло, телеги остановились. Кони грызут удила, фыркают. Крестьяне смотрят с надеждой, азартно потирают руки – истосковались по зрелищам.

Таргитай перевёл взгляд на лысого всадника.

– Желаете убедиться, владею ли мечом? – предложил он миролюбиво. – Так вас тут всего семеро. Подходи! А потом освобожу этих несчастных, которых вы несправедливо пленили!

Таргитай кивнул на тяжело дышащих бедолаг. Двое едва стоят, держатся из последних сил. Лица осунулись, дышат тяжело и надрывно. Ещё четверо без сил сидят на земле.

– Почём знаешь, что несправедливо? – спросил лысый насмешливо.

– Такие увальни, как ты, что служат тиранам, не берут пленных справедливо! – выпалил невр.

Лицо лысого воина пошло красными пятнами.

– Ах ты сопляк. Да я тебя за такие речи...!

Выхватив меч, он пришпорил коня, погнал на золотоволосого варвара. Конь раскатисто заржал.

Меч будто сам выпрыгнул в ладонь Таргитая. По руке побежал жар, словно ухватился за раскалённый металлический прут.

Он молниеносно ушёл в сторону, давая всаднику проскочить мимо. В тот же миг Меч в руке ожил, и невр вдогонку рубанул лысого по спине. Меч Гардея с победным пением, слышимым лишь Таргитаю, вошёл в плоть, разрубив кожаный доспех, как бересту.

Лысый воин беззвучно завалился на конскую шею. Спина окрасилась кровью. Скакун понёс его дальше и остановился, сбросив мёртвого, истекающего кровью седока.

Остальные, побледнев от такого исхода, запоздало пришпорили коней. Выстроившись в полумесяц, они понеслись к Таргитаю. В руках заблестели клинки.

Дударь бросился навстречу, чувствуя, как тело заполняет неведомая мощь. Меч в руке ожил, стал двигаться без его участия. Он лишь крепко держит рукоять, а клинок сам парирует, рубит, повергает.

Таргитай видел всё, как через мутное стекло, где мелькают перекошенные яростью лица, клинки, синее безоблачное небо. Он прыгает, уворачивается от ударов, парирует выпады. Чувствует, как его сильные руки выдёргивают врагов из сёдел, и они, как мешки с мукой, падают на жёсткую землю.

И снова рука с Мечом взлетает, обрушивается. Тела врагов отзываются мощным хрустом. Воины отшатываются, падают. В уши врезаются исполненные боли крики – Меч отсекает руки, пробивает живот или горло, жадно впитывая бьющую тугими струями кровь. Стук сердца отдаётся у Таргитая в висках, мерный и частый, как у молотов в кузнице.

Наконец, красная пелена медленно спала с глаз. Посмотрев вокруг, узрел перед собой зарубленных воинов. Кто-то ещё шевелится, издавая стоны, но не в силах подняться.

Дудошник смахнул горячие капли пота со лба. В небе уже кружат чёрные точки воронов. Всё ниже – к обочине дороги, где в лужах крови застыли тела. Сверху донеслось хриплое карканье.

Один, самый смелый, опустился на дальнего воина, тот ещё жив, и принялся долбить клювом по блестящим яблокам глаз. Раненый издал истошный крик. Тут же опустился ещё один и мощным ударом вырвал несчастному кадык.

– Всемогущий Род, – промолвил потрясённо бородатый мужик на ближайшей телеге. Его голос заставил Таргитая посмотреть вокруг, вспомнить, где он и что на него смотрят люди. Десятка три.

Крестьяне глядят потрясённо, шепчут заговоры и трогают обереги на шее. Другие нехотя отдают проигранные монеты, те со звоном пересыпаются из ладоней в калитки.

Богатырь глянул на клинок, но на широком, испускающем сияние лезвии ни пятнышка крови – металл впитал всё до капли. Не глядя забросил оружие в ножны.

– Расходитесь! – молвил он крестьянам. – Езжайте своей дорогой!

Селяне, видя, что зрелищ больше не будет, с ворчанием тронули лошадей. Телеги двинулись дальше. Воздух вновь зазвенел от стука копыт и скрежета старых телег.

В стороне раздался шорох, и Таргитай повернулся. Рука снова взметнулась, чтоб выхватить Меч. С земли, едва стоя на ногах, поднимаются невольники, в изумлении и недоверии глядя на окровавленные тела поверженных воинов. Совсем недавно эти изверги гнали их плетью по пыльной дороге. Теперь их расклёвывают вороны.

Дударь спешно подошёл, натываясь на изумлённые, недоверчивые взгляды.

– Вы свободны! – воскликнул он с жаром и взмахнул руками. – Идите!

Сорвав с пояса ближайшего трупа кинжал, певец одним движением перехватил веревки на руках стоящего рядом бедолаги. Его чёрные волосы слиплись на лбу, серые глаза смотрят внимательно и пытливо. В чёрной, как деготь, бороде застряли травинки.

– Спасибо, витязь! – проговорил он. Затем вдруг поднял голову. Взгляд сделался хмур, палец указал Таргिताю за спину. – Эх, они тебя убьют.

Невр быстро обернулся.

Отсюда видно, как из городских ворот выскакивает две дюжины всадников. Кони под ними идут лихо, стремительно. На поясах ножны с мечами, за спинами поблёскивают щиты. Таргитай заметил притороченные к сёдлам луки, закинутые за спины колчаны с белыми оперениями стрел.

Он быстро освободил остальных пленников.

– Бегите, – поторопил он, – уносите ноги!

Пятеро бросились прочь. Лишь один не двинулся с места. Дрожь в его членах испарилась, он расправил плечи, которые оказались довольно широкими, а само его тело – жилистым. Подбежав к одному из трупов, подобрал меч и встал рядом с Таргитаем, глядя, как, понукая коней, приближаются воины.

Телеги вновь принялись останавливаться. На простецких лицах мужиков появилась радость – продолжение драки!

Лицо освобождённого озарилось мрачной усмешкой, словно уже прикинул, скольких врагов успеет убить прежде, чем сам упадёт за мертвое.

– Как тебя звать, герой? – спросил он.

– Таргитай, – молвил невр и добавил: – А ты зря не убежал. Укрылся бы вон там в высокой траве, где овраг. Чуть дальше река. Они бы не догнали.

Черноволосый смерил его взглядом серых, как весенний лёд, глаз.

– Меня кличут Степаном. Я не привык бросать в беде того, кто мне помог!

Грохот копыт сделался громче, всадники уже в паре десятков шагов.

Певец вытащил Меч, перехватил обеими руками, широко расставив ноги.

– Прежде чем нас убьют, – проговорил Степан ободряюще, – мы успеем зарубить парочку. У тебя не меч, а чудо! Где такой взял?

– Подарили! – ответил дударь с гордой и честной улыбкой.

В ответ бородач лишь усмехнулся – ясно, что трупы могут подарить все, что угодно, они не сопротивляются.

– Нас могут просто истыкать стрелами, – сказал он. – Падём, как герои, в неравном бою!

Он гордо оскалил зубы.

– Разве есть смерть достойнее?

Таргитай не ответил. Молча смотрит на приближающихся конников с оружием.

Воины натянули поводья. Все в доспехах из дубленой кожи, сверху блестят железные пластины, защищающие от стрел и ударов копьем. Лица злые, смотрят внимательно и настороженно.

По взмаху ладони старшего – крепкого плечистого воина с седыми волосами – остальные сняли с седел луки. Послышались звуки натягиваемой тетивы, на солнце заблестели наконецники стрел.

– Ты убил Сыча с воинами, – проговорил седовласый с угрозой. – Они были из лучших!

Только сейчас Таргитай рассмотрел, что на месте уха у этого воина уродливый обрубок, а через всю шею тянется белёсый шрам. Волосы обрезаны коротко, словно на голову надели ночной горшок и стригли уже по нему.

– Однако князю всё донесли смотровые с башен, – произнес он. – Кологор велел доставить тебя живым!

Его глаза буравят дударя, будто воин надеется прожечь ему в черепе дыру.

– Как тебя звать? – спросил Таргитай миролюбиво.

– Кодлан, – словно бы выплюнул сквозь зубы своё имя седовласый. – Но тебе это не поможет. Не знаю, что задумал князь, но Сыч был моим другом. Живым ты из города не выберешься. Даю слово воеводы!

Он обнажил зубы в волчьем оскале и перевел взгляд на Степана.

– А этот вообще – беглый разбойник!

Кодлан повернулся к воинам, взмахнул дланью.

– Эй, взять его! Верёвку на горло! И найдите остальных, не могли далеко уйти!

Десяток воинов пришпорили коней, поскакав в сторону оврага, где скрылись беглецы.

Кодлан вновь посмотрел на Таргिता. Смерил взглядом широкие плечи, толстые, как молодые деревья, руки и массивные кулаки. Взор сделался хладнокровным.

– Полагаю, ты сейчас станешь сопротивляться, – сказал он с грозной усмешкой. – Придётся остудить твой пыл. Ну и что, что в княжеский терем приползёшь на переломанных ногах.

Таргитай покачал головой.

– Кодлан, – произнес он честно и открыто, – ты же сам сказал – я один справился с полуджиной. Они были верхом, а я – пеший.

Седовласый сдвинул брови.

– И что?

– А то, что не стоит недооценивать странников, – пояснил Таргитай миролюбиво, вспоминая, как разговаривал в таких случаях Олег. – Говорят, в их обличье по земле ходят боги.

Воевода усмехнулся, рука потащила из ножен меч. Всадники за его спиной снова взяли певца на прицел.

– Даже бога остановит дюжина стрел, – заметил он.

– Но князь, наверняка, приказал привести нас невредимыми, – проговорил Степан быстро. – Нарушишь его приказ – сам окажешься на дыбе! Нрав Кологора известен всем! Говорят, он и сына посадил на кол, когда поймал со своей наложницей.

– Он посадил на кол их обоих, – сказал Кодлан мрачно. – Но ты прав. Приказ надо исполнять. Синеглазый, ты своё получишь после!

Таргитай осторожно перевёл дух, чуть расслабил выпяченную колесом грудь.

– А ты всё равно казни не избежишь, – сообщил воевода Степану. – Вы оба сдохнете в муках.

Таргитай уже вновь собрался возразить, как вдруг перехватил напряжённый взгляд Кодлана себе за спину. Он резко обернулся, успел увидеть воина в двух шагах от себя.

– Берегись! – крикнул Степан.

На затылок Тарха обрушилось что-то тяжёлое.

Трое уже скручивают руки Степану. Бородач изо всех сил вырывается, но ему надели на шею петлю, а потом повалили на землю и принялись дружно бить ногами. Остальные вместе с Кодланом навалились на Таргитая.

Дударь взревел, как медведь, обвешанный злыми собаками. Вскинувшись, он сбросил троих.

Седовласый вновь ударил по голове. Меч выскользнул из обмякшей руки невра. Он повалился на землю, на лице удивление: как же так – подлю и не по-мужски!

Услышал, как откуда-то издалека, сквозь толщу воды, доносится голос:

– Связать варвара как следует! Поехали! Князь и его гости ждать не станут!

Глава 2

На Таргитая обрушился ледяной водопад, выдернул из тёмного омуты забвения. Когда перед глазами перестало расплываться, он увидел грязные кожаные сапоги прямо перед лицом. Левая нога нетерпеливо притопывает. Раздался знакомый голос Кодлана:

– Очухался.

– Что-то он полудохлый, как муха по осени! – хрипло усмехнулся другой воин. – Слабак, а не варвар.

– Давай ещё раз.

Невра вновь окатила холодной водой. Голова и плечи со спиной вымокли насквозь.

Он с трудом встал, но тут же ощутил, что за плечами нет привычной тяжести Меча. К тому же руки стянуты верёвкой.

Окинув взглядом небольшую комнату с узким окном, дударь посмотрел на сидящего перед ним на лавке Кодлана с обрубленным ухом. Рядом расположился другой воин, кожа у него на лице усеяна красными пятнами. Она пористая, будто кусок сыра, и жирно блестит.

Рядом у стены сидит Степан. Вокруг глаза почернело, кровь на разбитых губах успела подсохнуть и покрылась тоненькой корочкой. Руки стягивают верёвки. Он едва заметно кивнул Таргитаю.

– Ну что, – проговорил воевода, улыбаясь волчьим оскалом. Глаза смотрят насмешливо. – Будешь знать, как ерепениться. Я и не таким рога обламывал.

Второй посмотрел на него, спросил быстро:

– Поведём прямо сейчас?

– Да, Берг, чего тянуть. Мы его помыли, вонь отбили. Гости заждались веселья.

– Обожаю веселье! – хохотнул красномордый.

Таргитай вопросительно посмотрел на Степана. Тот мрачно кивнул, попытался развести руками, но запястья туго связаны, кожа на них покраснела.

– Пошли-пошли! – жизнерадостно гаркнул Кодлан, отвешивая Степану пинок. Тот тяжело поднялся, едва не упал, с трудом удержал равновесие. – Предстанете пред светлые очи князя. Покажете свою силу и ловкость. Победитель умрёт легкой смертью! А вот проигравшему не завидую, да... Наш князь Кологор в прошлом мастер пыток. Дело он своё знает и регулярно поддерживает форму, хе-хе!

Мощный толчок в спину швырнул Таргитая в дверной проём. Позади раздался звучный шлепок, словно ударили по мешку с песком. Степан зарычал от боли.

Их погнали по длинному коридору. От чадающих факелов на стенах идет неровный тусклый свет, рядом с Таргитаем побежала изломанная тень – сразу по полу, стене и даже над головой.

Вскоре под ногами гулко застучали каменные ступени. Лестница винтом уходит вверх, в темноту. Эхо от шагов стражников за спиной отражается от прочно сложенных стен из серого камня и, кажется, разлетается по всему княжескому дворцу.

– Зачем ты занимаешься нами лично? – спросил Таргитай с искренним любопытством. – Ты же воевода. Ты должен бдить и руководить, разве не так? Бдун должен бдеть, главствовать!

Воины едва не прыснули, сдержали хохот.

– Всё так, варвар, – согласился Кодлан, – но ты – особый случай. Не каждый день удаётся схватить человека, убившего в одиночку семерых. Князь велел мне привести тебя лично. К тому же за то, что доставил твой меч, он обещал наградить! Правда, я бы как раз и предпочел твой клинок в качестве награды, но Кологор, Яшер его побери, забрал его себе.

– А что же получишь ты? – спросил невр, чувствуя, как захлёстывает обида. Его Меч попал в лапы злым людям, а его самого ведут на смерть. Неужели ради таких вот и рисковали жизнями с Олегом и Мраком, спасая мир, дерясь за Перо?

– Не твоё дело, златовласка, – огрызнулся Кодлан, и Таргитай качнулся от тычка в спину.

Споткнулся, едва не рухнув в чёрную пропасть между ступенями винтовой лестницы и стеной. В последний миг сильные пальцы впились ему в плечо, подобно кузнечным клещам.

Впереди потянулся широкий коридор. От светильников идёт ровный, чистый свет. В воздухе запах бараньего жира, которым заправлены, сдобренный ароматом трав и благовоний.

Впереди из открытой двери слышны громкие голоса, пьяные крики, звучный хохот. В ноздри ударили запахи жареного мяса, птицы, наваристой мясной похлёбки. В животе у Таргитая требовательно заурчало.

– Может, нас сначала покормят? – спросил он. – Какой толк смотреть, как дерутся два голодных человека. Вот когда морды друг другу бьют сытые и пузатые, это ж совсем другое дело. На такое я бы и сам посмотрел.

– Как же, жди, – буркнул идущий сзади Степан. – Это, скорее, нами накормят псов – живьём бросят им проигравшего.

– Ты откуда знаешь? – спросил Таргитай удивлённо.

– Я уже как-то раз развлекал Кологора дракой.

– И как?

Степан гордо пожал плечами.

– Победил, как видишь.

– А как же лёгкая смерть, которую тут обещают? – спросил певец с любопытством.

– Мне такая честь до задницы, – сообщил Степан. – Я неблагодарно сбежал, да еще и узников выпустил на волю. Поэтому, чую, собакам меня теперь скормят в любом случае – победу, победу... тьфу или проиграю.

– Пасти захлопнули оба, – гаркнул сзади Кодлан, – а то зубы повыбиваю. Развлекать князя сможете и без них.

Из распахнутой двери ударили мощные запахи еды, вина и пота. Оттуда вышли три крепких воина, презрительно оглядели пленников.

– Ведите внутрь, – велел воевода. – Берг, возвращайся, следи за порядком. Чтоб никаких кухарок и игр на деньги!

Красномордый недовольно кивнул и отправился назад по коридору. Кодлан вошёл в просторный зал, и воины толкнули пленников следом.

Глаза дударя широко распахнулись при виде открывшегося зрелища.

Огромная палата со стенами белого камня ярко расписана изображениями диковинных зверей. Тут и драконы, и велеты, и могучие богатыри, что с ними сражаются.

В центре зала видна широкая яма. Со дна раздаётся глухое рычание, поднимается стойкий запах звериной шерсти. За накрытыми столами восседает множество гостей.

Столько камня Таргитай видел лишь во дворце степного кагана, который разгромили, когда вышли из Леса. Обычные терема, что встречались во время странствий, были из кондового дерева, что по прочности не уступает камню. Но здесь из камня всё целиком – стены, потолки, лестницы...

Свет падает из широких сводчатых окон. Кроме того, у стен светильники на высоких металлических ножках. В широких бронзовых чашах мерно горит пламя.

На пленников не сразу обратили внимание, но затем голоса стихли, смех оборвался. Головы присутствующих повернулись к вошедшим, взгляды остановились на Таргитае – он выше Степана на голову, волосы похожи на спелую пшеницу в солнечный полдень. Глаза – как два кусочка неба пронзительной синевы.

Из-за дальнего стола поднялся высокий грузный человек. Лицо злое и властное. Улыбка делает его похожим на волка, которому в лапы попался сочный ягнёнок. Острым клинышком торчит небольшая борода.

– А вот и смельчак, который в одиночку положил семерых моих воинов! – произнёс он громко. – Богатырь, каких поискать!

Он заметил Степана, глаза его стали похожими на две узкие щели. В лицо от гнева бросилась кровь.

– Неужто тот самый раб, который победил во время боёв три дня назад и бежал, отвергнув награду?

Степан демонстративно сплюнул на пол. Тут же дёрнулся от мощного подзатыльника.

– Он самый, княже! – отвечивал Кодлан. – Сыч с воинами поймал беглецов, но этот голубоглазый дурень их освободил. Моим воинам не составило труда изловить снова! Всё исполнено, как ты повелел!

– Добро, – кивнул Кологор, всё ещё глядя на Степана и сжав кулаки. – Сыч был добрым воином. Пора отомстить за его смерть!

Таргитай заметил статную девушку по левую руку от князя. Чёрные локоны струятся по расшитому узорами платью. Глаза неотрывно смотрят на невра, в них затаилось любопытство.

Девушка показалась ему воплощением неземной красоты. Рядом восседает дама старше, стройная, с властным, надменным лицом. Наверняка, княгиня. Но это прекрасное создание, что не отводит от него глаз и что-то шепчет матери, поразило его в самое сердце.

– Кто это? – шёпотом спросил Тарх Степана. – Княжна?

– Нашёл, когда на баб смотреть, – буркнул Степан. – Нас вот-вот лишат жизни, а он паялится на княжескую дочь Ладомиру. Ты б ещё звезду с неба возжелал.

– Она прекрасна, – ответил певец заворуженно.

– Наслаждайся, пока есть глаза, – посоветовал Степан мрачно. – Может статься, что позже их вырвут.

– Ты молодец, Кодлан! – вновь похвалил князь. Его голос громко разносится под выгнутым каменным потолком, отражается от расписанных стен. – Дорогие гости, нас ждёт веселье!

Он поднял руку, кисть с растопыренными пальцами, где блестит перстень с рубином, дёрнулась в небрежном жесте.

– В яму их! Посмотрим, кто кого одолеет! Ставлю на варвара!

– А я на Степана! – громко выкрикнул пьяным голосом грузный боярин с соседнего стола. – Княже, в прошлый раз он голыми руками уделал мужика тяжелее себя! Готов спорить, он и сейчас побьёт голубоглазого!

Князь оскалил зубы.

– Замётано, Тупозад! Если ты выиграешь, разрешу поест из одного корыта со свиньями!

По залу волной прокатился хохот. Из-за столов начали раздаваться подбадривающие крики:

– Степан! Степан!

– Степан! Убей его! Убей!

Таргитай посмотрел вокруг, как за каждым столом выкрикивают имя Степана. Но вот гости вернулись к еде. Гул голосов, чавканье, хруст переламываемых зубами костей вновь заполнил помещение, однако теперь гости не спускают глаз с пленников.

Невр буквально чувствует на себе кровожадные взгляды. На лицах жажда увидеть, как один будет избивать, а другой просить пощады, роняя кровавые слюны и сопли.

– В яму их! – крикнул Кологор, указывая на провал в десятке шагов от Таргитая, куда уводят ступени. Там видны блики света, слышится рычание псов. Запах собачьей мочи и шерсти бьёт в ноздри удушливой волной.

Таргитай быстро вскинул голову, взглядом нашёл лицо прекрасной княжны. Она не отводит исполненный печали и жалости взор. Смотрит столь завораживающе, что и предстоящая смерть кажется не такой уж страшной.

Певец в этот миг забыл обо всем: об Олеге и Мраке, о битве в Долине, о Пере Рода, что греет кожу под волчовкой. Весь мир и княжеские палаты исчезли, осталось лишь лицо прекрасной княжны – строгие черты, чёрные брови и глаза, похожие на бездонные лесные озёра.

Мощный толчок бросил невра вперед. Замечтавшийся певец споткнулся, почувствовал, как что-то рыбкой выскользнуло из-за пазухи, и со стуком запрыгало по камням пола.

– Что это у него там? – раздался спокойный женский голос. – Покажите!

Гомон гостей притих. Таргитай увидел, как с кресла поднялась княгиня. Ее взгляд направлен на стоящего рядом с невром воеводу.

– Дудочка, ваша милость! – промолвил Кодлан. Нагнувшись, он сгреб пальцами выпавшую сопилку и поднял над головой, чтобы все присутствующие могли рассмотреть. – Обычная деревянная дудка! У меня дети в такие дудят.

Гости за столами заговорили громче, начали хохотать. Таргитай ощутил множество насмешливых взглядов, увидел, как тычут блестящими от жира пальцами и руками, сжимающими обглоданные кости.

– Пусть сначала сыграет! – повелела княгиня. – Подраться успеют всегда.

– Любезная Аграфена, – сказал князь, с трудом скрывая недовольство. – Я потом велю прийти гусярам, они ждут в людской! Перед тобой головорез, а не дудошник! Этот зверь убил семерых моих воинов! Наверняка, отобрал сопилку у ребёнка! Готов поспорить: он и играть-то не умеет.

– Кологор, прошу тебя, – повторила княгиня. – Воины не носят дудочки при себе просто так. Под видом странников по земле ходят боги. Может статься, этот парень играет, как бог! Пусть потешит нас песней, а потом хоть на воротах его распинай!

– Отец, – раздался звонкий девичий голос, в котором прозвучали стальные нотки. – Пожалуйста, позволь ему сыграть!

Таргитай почувствовал, как губы расползаются в улыбке. Сердце начало трепыхаться со щенячьей радостью. Раз уж сама княжеская дочь попросила о песне... Это прекрасное создание стоит того, чтобы сыграть перед смертным боем.

– Ого, – произнес над ухом Степан, тихонько присвистнув. – Да ты лихой казак, раз княжна размякла. Играть-то умеешь или в самом деле у ребёнка отнял?

Таргитай не ответил. Он смотрит во все глаза на княжескую дочь, а она, встретив взгляд его голубых глаз, улыбнулась. На щеках девушки проступил румянец.

– Кодлан, – проговорил Кологор с неохотой. – Развяжи ему руки. Пусть сыграет. И не дай боги, если песня мне не понравится!

Воевода нехотя вытащил из-за пояса нож. Одним движением освободил пленнику запястья.

Таргитай принял сопилку с нежностью, медленно поднёс к губам. Принялся дуть, пальцы накрывают дырочки. Из дудочки полилась настолько дивная музыка, что в зале воцарилась тишина.

Бояре и дружинники перестали жевать. Руки с кубками опустились обратно на стол. Таргитай играл и играл – о трех неврах, что полезли по Мировому Древу до самого вирия.

Нежные звуки соткали волшебное яркое полотно. Все, как наяву, узрели, как эти трое сражались со жрецами Перуна в его хрустальном дворце, затем бились в Долине Битвы Волхвов. Как продирались сквозь полчища нелюдей. Как вырвали у самого Рода из клюва Перо – чтобы не дать людям согнуться под лапой леших и упырей.

Степан и княжеский воевода уставились в изумлении. У обоих то сжимаются, то разжимаются кулаки, как вспыхнувшая ярость к нелюдям перекашивает лицо одного и другого.

Оба уже мысленно в самой гуще сражения, со всех сторон звон мечей, истошные крики умирающих. И вот уже оба будто и не враги, а готовы вместе хватать оружие и идти туда, куда укажет этот золотоволосый парень. Вернее, не он, а его песни, что трогают потаённые струны в груди, и от этого то возносишься до небес, то падаешь в пропасть до самого Подземного Мира, где правит Ящер...

Когда невр перестал играть, в зале всё ещё висела тишина. Наконец, звенящую тишину нарушил грохот – кто-то стукнул кулаком по столу, так что со звоном подпрыгнули кубки, и тут же стук покатился по всем столам. Гости принялись колотить, выражая одобрение и похвалу.

– Молодец!

– Знато!

– Да ты... ты... как сумел?!

– Ещё! Сыграй ещё!!!

– Играй, певец!

Отбив ладони о столы, люди принялись хлопать в ладоши, со всех сторон послышался громкий одобрительный свист.

Кодлан и Степан застыли в немом изумлении. Черноволосый разбойник не отводит изумлённого взгляда.

– Боги всемогущие! – проговорил Кодлан. Его грудь ходит ходуном, дышит тяжело, с натугой, будто только что побывал всюду и сделал всё, о чем пел Таргитай. – Аж самому захотелось броситься... и меч в руку! Добрая песня!

Князь поднялся. Его грузная фигура нависла над столом, будто каменная глыба.

Кологор пару мгновений буравил певца взглядом. Затем молвил:

– Это... это было... – он тряхнул головой, словно отгоняя морок. – Никогда ещё такого не слышивал. Твоя песня рвёт душу... Ею можно хоть воинов в бой на превосходящего врага, хоть душу вывернуть наизнанку!

На лице князя читается одобрение, глаза изумлённо распахнулись, словно ему только что явился сам Перун и рассказал о славных битвах древности.

Таргитай посмотрел на княжну – у Ладомиры от восторга сияют глаза. Девушка не отводит восхищённого взгляда.

– Твои песни хороши, чужестранец! – промолвила она, и Таргитай подумал, что голос её хоть и суров, но, боги, как же он ласкает слух... – Сыграй ещё!

– Ещё! Да! – требовательно заудели за столами.

– Сыграй ещё, варвар!

– Играй, Ящер тебя побери!

Князь сделал повелительный жест, и к Таргитаю подошёл отрок с кубком.

– С княжеского стола, – сказал он негромко, протягивая вино. – Ты удачлив, чужак.

Дударь перехватил удивлённый взгляд Степана, поднёс чашу к губам и осушил до дна.

– Сыграй, – вновь попросила княжна.

Сидящая рядом с дочерью Аграфена милостиво кивнула. Она нагнулась к Кологору, что-то прошептала на ухо. Но князь словно её не слышал – восхищённый, полный ожидания взор направлен на Таргिताя.

Тарх вновь принялся играть. Под чарующую музыку гости, как наяву, узрели трёх вышедших из Леса невра.

Они прогнали степняков, восстановили разгромленную весь полян, и один из Троиш полюбил местную красавицу. Жаркая страсть соединила их в одну из ночей. На следующий день Трое отправились на охоту, а когда вернулись – вновь застали деревеньку сожжённой. Мужчин убили, над женщинами надругались.

Девушка от позора наложила на себя руки, а Трое отправились дальше – сокрушили степного Кагана, отомстили за всех полян, чья кровь была пролита.

Затем долго странствовали, совершали подвиги, повергали могучих врагов. Но теперь их пути разошлись, каждый ушёл своей дорогой, и нет больше трёх неразлучных друзей, готовых друг за друга вбивать врагов в землю.

Грудь Таргитаю защемила тоска. Он живо представил брюзжащего зануду Олега и грубого, но в душе доброго Мрака. Встретит ли их снова?

Музыка стихла сама собой. Повисшая тишина лопнула от шквала восторженных криков. Невр ощутил на себе горящие взгляды дружинников и бояр. Их пальцы смахивают слёзы, глаза ошеломлённо сияют, горят радостью, жаждой приключений и битв.

Под восторженный стук по столешницам и здравицы отроки повели его к княжескому столу.

Кологор жестом велел освободить место. Певца усадили, поставили серебряное блюдо с зажаренным гусем и широкую братину, где плещется густое и красное, как кровь, вино.

– Ты играешь, как никто другой, – прогудел князь с одобрением, глядя на Таргिता из-под чёрных кустистых бровей. – Никакой гуслир с тобой не сравнится. Такой мощью, как у тебя, можно управлять всем нашим царством! Эх, родимый Дунар! Да что там Дунар – артанцы, куявы и славя, услышав твои песни, захотят бросить оружие и встать под наши знамёна!

– Эти земли зовутся Дунаром? – переспросил Таргитай, бережно убирая дудочку за пазуху.

Князь рассмеялся, Аграфена одарила невежественного дударя снисходительной усмешкой, и лишь княжеская дочь смотрит с нежностью, хоть ее лик надменен и властен.

– Это Дунарское царство, – проворчал Кологор. – Но сейчас ты на земле моего княжества Родон. Дай боги, когда-нибудь я стану властителем и всего Дунара.

– Прощаю тебе смерть Сыча, – молвил князь. – Жаль, конечно, своих воинов... но солдат сотни и тысячи, а такой певец, как ты, – один!

– Я их не победил, – проговорил невр печально, – я всего лишь убил...

– Откуда ты такой взялся? – спросил Кологор насмешливо. – Из Леса что ли вышел? Как тебя звать?

– Мать нарекла меня Таргитаем, – сказал невр. – И для меня это всё – Гиперборея.

– Ты, видать, в этом своем Лесу умом тронулся, – проворчал севший рядом Кодлан, от него всё ещё веет неприязнью, обрубок уха и шрам на шее выглядят отталкивающе. – Или просто вы там все темные, как дыра в моей... гм... В общем, здесь несколько царств. Не самое большое, зато самое великое! – наш Дунар. А Артания, Куявия и Славия с Вантитом – это так, мелочь, с которой не сегодня-завтра расправимся, захватим, разграбим, изнасилуем, утопим в крови.

Слушая вполуха, невр не отводит взора от Ладомиры. Любуется её карими очами и божественной красоты лицом, от которого словно исходит сияние.

Тёмные волосы красиво заплетены, косы спускаются, едва касаясь плеч. Княжна мелкими укусами ест лежащую перед ней куриную ногу, неспешно, будто птичка клюёт зёрнышки.

Она что-то спросила, повернувшись к матери, и завязался разговор, который Таргитай уже не услышал. Со всех сторон летит гул разговоров сытых и подвыпивших гостей, слышен их хохот, а тут ещё и на ухо что-то дружески бубнит Кодлан – про вино и женщин, мол, от того и другого сначала приятно, но если перебрать, то после болит голова и хочется убивать всех подряд.

Внезапно Таргитай вскинул голову, что-то вспомнив, повернулся и крикнул:

– Степан!

Его голос разнёсся по залу, заглушил говор сидящих за столами гостей.

Он увидел, что черноволосого косматого разбойника воины уже подвели к дверям, вот-вот выведут из зала – наверняка, на верную смерть.

Приземистые стражи, слышав окрик, остановились. Таргитай настойчиво глянул на Кологора.

– Князь, прошу тебя, вели отпустить моего друга. Пусть сядет с нами!

Кологор изменился в лице. Княгиня с Ладомирой тоже оборвали беседу и посмотрели на певца с непониманием.

– Вот этого вора за княжеский стол? – прорычал князь. – Да как ты смеешь такое предлагать?! Дудошник! Его сегодня посадят на кол. Благодарю богов, что не отправился за ним! Хотя я ж могу и передумать!

Таргитай поднялся из-за стола – высокий и широкий в плечах настолько, что заслонил собой перед князем четверть огромной палаты.

– Нас обоих привели в твой терем силой, – напомнил он. – Так обоих и казни, если сумеешь, либо обоих же привечай!

Невр без страха посмотрел Кологору в глаза.

По знаку князя Кодлан оказался на ногах и уже потащил из ножен меч с лезвием в ладонь шириной, как вдруг на плечо князя легла ладонь жены.

– Пусть сядут оба, – попросила она мягко, но властно. – Таргитай – наш гость. Если помилуешь и того преступника, ничего не случится.

Князь посмотрел на жену, затем на дочь, которая, судя по выражению лица, с ней согласна. Ладомира гордо вскинула голову.

– Пусть сядет за стол, отец!

– Он преступник и мятежник, и сядет на кол, а не за мой стол! – рявкнул Кологор, грохая кулаком по столешнице. По залу прокатился звон подпрыгнувшей посуды, затем наступила гробовая тишина.

– Разумеется, – кивнула Аграфена с улыбкой. – Казнишь. Но не сегодня. А пока он наш гость.

Она посмотрела на дудошника.

– Твой друг сядет за соседний стол. За нашим нет места.

Княгиня сделала повелительный жест.

– Кодлан, проводи. Друг нашего гостя, который так искусно играет, – тоже наш гость.

Певец по-детски улыбнулся, раздвинув пухлые губы.

– Благодарю тебя, княгиня!

По знаку Кодлана воины подвели Степана к соседнему столу, там как раз нашлось пустое место. Ему освободили руки. Князь показал отрокам что-то знаками, и те бросились прочь, а вскоре вернулись с синим плащом и набросили Степану на плечи.

Глядя, как Степана усаживают за стол, ставят перед ним блюдо с зажаренной дичью, Кологор поморщился, но промолчал.

Степан начал разрывать исходящую паром птицу, запихивать куски мяса в рот и шумно чавкать, как будто специально разбрызгивая с пальцев капли жира на соседей по столу.

Сидящие рядом бояре косятся брезгливо. Толстый купец в соболиной шубе опасливо отодвинулся, а затем и вовсе пересел за соседний стол.

– Садись, Таргитай, – пригласила княгиня. – С твоим другом всё в порядке, теперь и ты можешь отведать этого чудесного гуся.

Казалось, дударь только теперь заметил, что перед ним на блюде исходит паром большой, целиком зажаренный гусь. Лишь теперь ощутив, как зверски проголодался, Тарх оторвал лапу и вонзил зубы в нежное мясо. По пальцам и подбородку потёк сладкий сок, в ноздри ударил сводящий с ума запах горьких трав и специй.

Он принялся запивать из стоящей перед ним широкой братины, вино было сладким и терпким.

Невр и не заметил, как от гуся остались мелкие косточки – все крупные он разгрыз, высасывал вкуснейший мозг.

Слуги тут же забрали опустевшее блюдо, на его место водрузили поднос с поросёнком. Тарх принялся и за него.

– Откуда ты явился? – поинтересовался Кологор, глядя, с каким аппетитом варвар уничтожает еду. – Там что: кормить не принято? Или только по большим праздникам?

– Издалека, – ответил невр с набитым ртом и раздутыми, как у хомяка, щеками.

– Ты говорил, что вышел из Леса, – напомнила княгиня. – Ты родом из Славии?

– Мама, он же сказал, что считает наше царство и соседние земли Гипербореей, – вступила в разговор Ладомира. Она смотрит на Таргिताю с симпатией, однако на её челе лежит печать строгости. – Некоторые всё ещё помнят древние времена по рассказам кощунников. Возможно, этот герой – один из них. И ему неважно, в каких землях совершать подвиги!

– Это кто здесь герой? – спросил князь, сурово приподняв бровь.

Ладомира зарделась, но её взгляд оставался упрямым и своенравным. Таргिताю её щеки показались алым маковым цветком. В голове уже начала складываться новая песня – об этой прекрасной княжне, от близости которой сердце начинает биться чаще и сбивается с ритма. Песня о её строгом, но несказанно красивом лице, о лучистых глазах, от которых исходит тепло и в которые хочется смотреться до бесконечности.

– Таргитай же в одиночку справился с семерыми, – напомнила девушка с жаром. – Конечно же, он герой, отец!

Князь проигнорировал её замечание. Аграфена что-то прошептала дочери на ухо, и та перестала спорить.

– Гиперборея... Это название помнят лишь старики, – поморщился Кологор, обращаясь к невр. – Его использовал мой прадед. А до того – его дед. Эх, видать, ты и правда из самого дремучего Леса, коль не знаешь, что на свете есть наше блистающее Дунарское царство и княжество Родон...

Таргитай сосредоточенно поглощал нежного поросёнка, пока и от него не остались мелкие косточки. Свободной рукой доливал себе вина, но очень скоро пузатый кувшин опустел.

Принесли печёную рыбу, перепелов, обжаренных в масле и хлебных крошках, откормленную, тушёную с острыми специями индюшку. Тарх ел и ел, распустив пояс, закидывал перепёлок в рот, складывал косточки горкой рядышком, пока, как лесной пожар, не уничтожил всё, что принесли. У бояр за соседним столом в изумлении округлились глаза – куда в него столько лезет?

Княгиня с дочерью наблюдают со сдержанными улыбками – настоящие герои должны много есть и пить, иначе откуда возьмётся богатырская сила.

Глава 3

Гости за столами восторженно загудели. Таргитай увидел, как в зал ввели двух крепких мужчин. Один в простой рубахе навывпуск, голова и лицо чисто выбриты, с темени свисает чуб.

Другой одет богаче, лицо покрывает густая борода. Через пояс едва заметно переваливается живот, тогда как у бритого наголо живот плоский, как доска.

У обоих порванная, запачканная грязью одежда, лица в свежих кровоподтёках. Руки обоих стянуты за спинами.

Свет из широких окон падает на их измождённые лица, высвечивает морщинки, мелкие складочки.

– Артанец и куяв! – воскликнул кто-то. – Будь я проклят!

Таргитай и Степан переглянулись за соседними столами. Невр видел, как Степан поджал губы, его могучие кулаки стиснулись под столом. Певец покачал головой, призывая сохранять спокойствие.

Князь поднялся, глядя на пленных с недоброй усмешкой.

– Дорогие гости, нас ждёт долгожданное веселье. На этот раз никто его не сорвет!

Он скользнул взглядом по голубоглазому варвару, который тоже должен был отправиться в яму на бой.

– Эти двое любезно согласились нас потешить! – провозгласил Кологор насмешливо. – Победителю достанется лёгкая смерть. На проигравшего спустят собак. Они проголодались, хе-хе. Уже неделю впроголодь, бедняжки. Собаки, а не пленники, им долго без еды вредно.

Князю ответил хохот присутствующих. Таргитай с печалью оглядел эти холёные лица, улыбки в бородах показались ему осками свирепых волков. Вот только звери никогда не дерутся ради забавы и не радуются, когда такие же, как они, бьются на смерть.

– Артанец! – крикнул воин за соседним столом, где сидит хмуро наблюдающий за происходящим Степан. – Ставлю на тебя!

Возле невольников тут же оказался Кодлан. Что-то небрежно бросил воинам, и те подтолкнули мужчин к лестнице, что ведет на дно широкой ямы. Пол вокруг неё под углом уходит вниз, и видно, что там внизу небольшая арена, а пол серебристый от мелкой гальки.

Один из солдат перехватил верёвку на руках чубатому, потом бородачу. Бритоголовый радостно оскалил зубы.

Под нацеленными в спины остриями мечей оба принялись спускаться по узким каменным ступеням. В самом низу неповоротливый бородач споткнулся и кубарем полетел вперед, рухнул на усыпанный галькой пол. Он быстро встал, тряхнул косматой головой, затравленно огляделся.

– Князь! – произнёс Таргитай торопливо. – Я сыграю для тебя и твоих гостей ещё! Не заставляй этих бедолаг убивать друг друга!

Синие глаза светятся грустью и непониманием, отчего люди так злы друг с другом, когда могли бы жить во взаимной любви, просто наслаждаясь жизнью, солнцем и ветром.

Кологор рассмеялся. Белая стена за спиной пестрит окнами и росписью, где изображены великаны и дивные звери. Свет из окна бьёт князю прямо в спину, подсвечивая сзади и делая его похожим на свирепого небожителя.

– Таргитай, не всё в этом мире зиждется на песнях, – пояснил он. – К тому же я обязан наказывать смутьянов, иначе желающих снять с меня голову будет столько, что хоть в лес уходи.

Княгиня с улыбкой положила мужу ладонь на плечо, в солнечном свете на миг блеснули перстни с крупными самоцветами.

– Мужчинам иногда нужно забыть даже про божественно красивые песни, какие поёшь ты, и просто насладиться, как вы это называете, доброй дракой. Когда Кологор едет сражаться с

соседями, моё сердце всегда сжимается в страхе! Пусть лучше смотрит, как на смерть дерутся пленники, мне так спокойнее. Тем более артанцы и куявы... они и так ненавидят друг друга.

Она вновь улыбнулась. Однако её глаза остаются равнодушными, словно говорит не о людях, а волках, которых стравливают для забавы.

Ладомира одарила певца чарующей улыбкой, убрала выбившийся на глаза чёрный локон.

Невр стал смотреть в яму. Невольникам бросили сверху оружие. Артанец мгновенно подхватил топор, вскинул над головой. По арене прокатился яростный боевой крик.

Бородач-куяв подобрал меч, взвесил в ладони, угрюмо глядя на жилистого противника. Толстяка пробирает страх – артанцы слынут свирепыми воинами, сражаются очертя голову без доспехов, даже не закрываясь щитами. Они быстры и ловки, один такой стоит пяти куявов.

– В бой! – крикнул сверху Кодлан, глядя на них со стены ямы. – Начинайте.

– Выпей ещё вина, доблестный Таргитай, – предложила Ладомира. – Ты, должно быть, совершил множество подвигов, пока добрался в наш край! У тебя есть жена, дети? Или твоё сердце свободно?

Она чарующе улыбнулась, на щеках проступили нежные ямочки.

Таргитай посмотрел на княжну, это прекрасное создание, которое почему-то сидит здесь и собирается созерцать кровавую драку. Девушка такой божественной красоты не может любить жестокость, пронеслась мысль, за которую дудочник ухватился, как за соломинку, просто не может!

– Деритесь, сукины дети! – заорал Кологор, видя, что пленники медлят. – Не то велю спустить псов!

Артанец уверенно шагнул вперёд, перебрасывая топор из одной руки в другую и не спуская взгляда с побледневшего бородача. Куяв держать меч умеет, ровные и чёткие движения выдают умелого бойца, но видно, что всё же трусит, из глаз так и плещется неуверенность. Репутация артан делает своё дело.

Куяв атаковал первым. Меч описал в воздухе дугу. Артанец легко парировал топором и принялся обрушивать на противника один удар за другим, тесня его к стене.

Гости, покинув столы, подбежали вплотную к яме. В азарте кричат, потрясая кулаками, тычут пальцами в разъярённого артанского воина. Кто-то начал ставить заклады на победителя.

Свирепый воин прижал куява к стене, но тот вырвался, парировал удар сверху и обрушил клинок на врага. Артанец отшатнулся, коснулся глубокого пореза на плече, окунув пальцы в проступившую кровь. Боли как будто не ощутил, лишь плотнее сжал челюсти.

Куяв приободрился. Снова атаковал, но артанец, который, похоже, до этого лишь красовался перед зрителями, резко нагнулся. Топор с хрустом вошел бородачу в голень.

Зал огласил пронзительный вопль, из страшной неровной раны хлынула кровь. Там белеет начисто перерубленная кость, выпирает, прорвав кожу.

Куяв рухнул, схватившись за ногу. Из рта вырывается душераздирающий крик. Он побледнел, глаза выпучились. Лицо усеивают капли пота размером с горошины.

Таргитай отвернулся. Ладомира смотрит с азартом, покусывая от напряжения губы. Княгиня тоже не отводит взор, в глазах светится удовлетворение.

– Добей! – повелел Кологор, погладив клинообразную бородку.

Артанец хмуро оглядел нависшие над стеной на высоте в два человеческих роста замершие в ожидании лица гостей. Глянул на поверженного врага. Какой теперь из куява воин без ноги. Калека на всю жизнь: ни воевать, ни работать в поле не сможет, только висеть на шее родни. Позор для мужчины.

Топор взвился над бритой головой и с резким звуком вошел раненому в голову. Во все стороны брызнула кровь.

– Ещё! – выкрикнул толстый боярин в шубе. – Княже, бой был коротким, никакого удовольствия! Вели кинуть ещё одного!

Недовольного поддержали, повернулись к княжескому столу в надежде, что князь велит продолжить потеху.

– Выставь другого против артанца, твоя светлость!

– Ещё один бой! Куяв был слабак!

К князю подошёл Кодлан. Нагнувшись, что-то прошептал на ухо. У князя рот расплылся в улыбке.

Кологор поднялся, и гости сразу же стихли.

– Почему бы нашему гостю, который развлёк нас своими песнями, – произнёс князь, – не показать, как искусно владеет мечом!

Кологор посмотрел на Таргитая. Тот сначала не понял, мыслями уже далеко, замечтался, складывает песню про прекрасную княжну. Но теперь его бесцеремонно выдернули из мира грёз, и певец вдруг увидел, что взгляды присутствующих направлены на него.

– Ты хочешь, чтобы я дрался? – переспросил он, распахнув в удивлении глаза.

– Отец! – ахнула Ладомира. – Таргитай – наш гость! Как ты можешь?! Ты же помиловал!

– Никто не собирается его казнить, дочь моя! – отвечивал Кологор с улыбкой. – Пусть просто покажет боевые умения.

Ладомира быстро посмотрела на Таргитая, перевела взгляд на мать, но княгиня не вмешивается, в глазах огонёк, словно самой не терпится увидеть этого златокудрого варвара в яме, где дерутся холопы.

– Он в одиночку убил семерых моих воинов! – заметил князь. – Неужто не справится с каким-то артанином?

Кологор рассмеялся. Словно эхо в горах, ему вторило несколько смешков, затем превратившихся в настоящий шквал хохота.

Бояре откровенно хохочут, держась за животы. Воины посмеиваются, кивают на Таргитая, дескать, мало иметь крепкие руки и широкие плечи, ты на деле докажи, что чего-то стоишь.

Таргитай поднялся, посмотрел на Кологора в упор.

– Что ж, изволь, светлый князь, – сказал он с неохотой и добавил: – Только вели вернуть мне Меч, что забрали твои воины. Те, что остались в живых.

При этих словах стоящий у певца за спиной Кодлан дёрнулся, как от пощёчины, лицо пошло красными пятнами.

Князь в ответ оскалил зубы.

– Идти за твоим мечом сейчас – тратить время, – бросил Кологор и посмотрел на воеводу. – Кодлан, дай ему свой.

Седовласый, коротко стриженный воевода нехотя подошёл к невр. Рука с неохотой потащила меч.

Широкое лезвие покинуло ножны, он протянул оружие рукоятью вперёд. При этом на умудрённом жизнью лице читалась мысль – чтоб ты, гад, поскользнулся и упал на этот меч раза три, а то и пять, для надёжности.

Рифлёная рукоять легла Таргिताю в ладонь. Приятная тяжесть оттянула руку. Однако чувство совсем иное, чем если бы держал Меч, подаренный Гардеем. Он посмотрел на Степана, жестом показал, что волноваться не о чем. Однако бывший разбойник глаз не отводит, взгляд его мрачен.

В палате воцарилась тишина. Гости смотрят, как певец подошёл к яме и стал медленно спускаться. Каменные ступени под его сапогами отзываются глухим стуком.

Тут же с бояр слетело оцепенение. По столам пошло шевеление, поднялся гул возбуждённых голосов. В распахнувшуюся дверь ворвался сквозняк, пламя светильников у стен заколыхалось.

Люди принялись вставать с лавок и кресел, толпа с гудением приблизилась и встала у краёв ямы. Полные азарта и любопытства взгляды устремились вниз.

Глядя, как спускается воин с золотыми волосами, артанец скользнул взором по его широкой груди под волчовкой и могучим, увитым мускулами рукам. Утерев со лба испарину, он поудобнее перехватил боевой топор.

Труп бородача ещё не успели унести, он так и лежит у самой стены в луже крови.

Таргитай спустился на ток, слыша, как под сапогами похрустывает галька, а за тонкой стеной глухо рычат голодные псы.

– Певец его зарубит! – донеслось сверху из гула голосов.

– Да нет, его артанец убьёт, как пить дать!

– Ставлю на голубоглазого!

– Ага, давай. Он щас как вытащит дудку и отдубасит артанина до смерти, ха-ха-ха!

Невру на плечо упала обронённая кем-то серебряная монета и, отскочив, пропала в крошках гальки под ногами.

Не спуская друг с друга глаз, Таргитай и артанец начали медленно двигаться по кругу. По лицу артанина Тарх видит, что тот его оценивает, изучает, выбирает момент, чтоб ударить быстро и мощно.

– Рубитесь уже, пёсьи дети! – гаркнули сверху. – Хватит хороводы водить!

Прыгнув вперёд, артанец обрушил топор. Таргитай парировал. Меч принялся рассекал воздух, превратившись в стену из мелькающих с неуловимой скоростью стальных полос.

Артанец начал отступать под шквалом ударов. От столкновения клинка с его топором вспыхивают яркие злые искры. Глаза невра сузились, превратились в серые льдинки.

На лице артанина сквозь изумление проступила ярость. Откинув упавший на лицо чуб, он стал двигаться быстрее. Избегая меча, принялся чаще наносить удары, взмахивая топором, точно прутиком.

Таргитай чувствует, как из рук выплёскивается мощь. Меч в его ладони разогрелся, рубит как будто сам по себе, но куда ему до Меча Гардея или даже Меча киммерийцев, что пел настоящую боевую песнь, когда сеял вокруг смерть.

Зарывав от злости, артанец усилил натиск. Таргитай стоит, как скала, без труда отбивает самые быстрые и сильные удары. Он уходит в сторону, рубит в ответ, обрушивая клинок сверху, сбоку, колет с размаха, точно копьём.

Артанец стал дышать тяжелее, движения принялись замедляться. Удары становятся неуклюжими, теряют точность и быстроту.

Его взгляд сделался затравленным, в глазах мелькнуло отчаяние. Он вдруг пригнулся, ударил ногой.

Таргитай пропустил подножку, галька резко метнулась навстречу. Он упал, резко перевернулся и вскинул руку с мечом, отражая стремительно падающее лезвие топора.

Невр рывком воздел себя на ноги, чувствуя, как в тело вливается звериная ярость. С утроенной силой обрушил клинок. Страшным ударом топор вырвало из пальцев артанина. Меч с хрустом выбился в бок.

Кровь ударила тугими струями, пробиваясь сквозь страшные концы разрубленных рёбер. Таргитай рывком вытащил меч из тела назад.

Артанец тяжело завалился на бок. Под поверженным телом уже натекло алое озерцо.

Сверху торжествующе заорали, послышались здравицы светловолосому богатырю. Женские и мужские голоса слились в общий шум.

Таргитай медленно опустился на колено возле умирающего. Артанин бросил на невра угасающий взгляд. Внезапно в глазах мелькнуло изумление. Голубые очи этого парня сияют слишком сильно, а волосы, лежащие на могучих плечах, кажутся сделанными из солнечного огня. Глаза умирающего широко распахнулись, губы задрожали.

– Ты..., – произнёс он едва слышно, так что певцу пришлось нагнуться, чтоб разобрать. – Ты...

Лицо артанца начало стремительно принимать землистый цвет. Он задышал тише. Однако на лице отразилась безмерная гордость.

– Ты... среди смертных... Мне выпала... честь... от руки самого Сварога... Будет, чем хвалиться в вирии...

Умиравший повёл глазами по сторонам, тускнеющий взгляд остановился на топоре. В брошенном на противника взоре мелькнула просьба.

Невр дотянулся до оружия и вложил рукоять в раскрытую ладонь.

Артанец успел сжать пальцы, обхватив топором. Мгновение спустя он замер с остекленевшим взглядом.

Таргитай выпустил из руки меч. Поднялся. Сзади уже спустились княжеские гридни. Подхватив под руки, повели вверх по лестнице прочь из каменной ямы под гомон гостей, что смеются, переговариваются, обмениваются впечатлениями.

Их хохот и спорящие, перекрикивающие друг друга голоса врезаются Таргитаю в уши, как иглы. В черепе надрывно гудит. На душе мерзко и гадостно.

Мрак бы сказал, что такова жизнь – выживает самый сильный и ловкий. А мудро-занудный Олег бы пришиб бедолагу из страха, дав сдачи заранее. Так, чтобы противник уже не поднялся.

Глава 4

Отведённые Таргитаю покои оказались просторными. Светильники по углам дают достаточно света, разгоняют наступающую ночь, что рвётся внутрь через единственное окно.

Протопав в пыльных сапогах по роскошному ковру, Тарх сел на широкое, застелённое периной ложе. Взгляд прошёлся по комнате.

Кроме стола и кровати, никакой мебели, разве что пара скринь да лавка у стены.

– Столько места зря пропадает, – пробормотал он, подходя к окну.

После пира чувствует себя осолопевшим – вкусная и разносольная еда, вино, разговоры с женой и дочерью князя. Образ Ладомиры не идёт из головы, её ласкающее взор лицо, прекрасные глаза, от взгляда которых сладко щемит в сердце. Голос подобен журчанию ручья. От него бросает то в жар, то в холод, и в груди разрастается необъяснимое чувство, словно там расцветает волшебный цветок.

Таргитай пытался удержать образ девушки перед взором как можно дольше, но накатила сонливость, он зевнул, веки дрогнули. Подумал, что утром хорошо бы поиграть, в голове уже вертится новая песня, которую хочет посвятить прекрасной княжне.

Он выглянул в окно. Сумерки поглотили город, поля и кромку леса за городской бревенчатой стеной. В воздухе запах конских каштанов, жареного мяса с княжеской кухни. Луна озаряет мир мёртвенно-бледным сиянием, превращая улицы, площади и избы с теремами в призрачный, забытый богами город.

Внезапно дударь увидел ещё одно строение. Рядом с княжеским теремом к небу стремится башня. Поднимается из земли на территории детинца. Идущий вокруг княжеского двора частокол из массивных брёвен захватывает и её.

Башня из плотно подогнанных каменных блоков, они отчётливо видны в лунном свете. Выглядит тёмной, зловещей. На самом верху светится единственное окно. На фоне прямоугольника света промелькнул человеческий силуэт.

Таргитай загасил светильники, оставив один, и опустил на ложе. Пыльные и грязные сапоги лениво скинул на ковёр, который был чистым до его прихода, а теперь там будто вывалились поросята.

Он мечтательно закинул руки за голову. Веки смежились, Таргитай уже начал проваливаться в сладкую дрему, как вдруг – стена озарилась кроваво-красным светом. Глаза дудошника в изумлении распахнулись. Свет пошёл закручиваться по каменной поверхности, будто водоворот.

Наконец, красное сияние истончилось и пропало. Каменная стена сделалась прозрачной, и он узрел помещение с книжными полками, что тянутся до самого потолка.

Певец вздрогнул – некая сила рванула за волчок в ту сторону. В конечностях ощутилось болезненное покалывание. Тело налилось странной лёгкостью. Поднимись сейчас ветер, то сдул бы его, как пушинку.

Таргитай изо всех сил сопротивлялся. Однако ноги сами подняли его с кровати и шаг за шагом стали медленно, против воли, приближать к прозрачной стене. Свет в ней сделался зеленоватым, и кажется, что комнату окутывает болотная вода пополам с ряской и водорослями.

Незримая могучая сила заставила подойти вплотную к мерцающей стене. Пальцы коснулись места, где должен быть камень, и тут же продавили его, провалившись во что-то упругое, прохладное, как холодец.

Незримая плёнка поддалась, и невра рвануло внутрь. Сопротивление мгновенно исчезло, и он вывалился в ярко освещённую комнату.

По босым ногам стегнула прохлада каменного пола. После полутьмы своей комнаты Таргитай зажмурился от ярких светильников, где по углам на высоких ножках танцует пламя.

У стен на полках до самого потолка лежат книги в кожаных переплётках, тускло блестят металлической отделкой. У окна уставленный колбами стол, там же раскрыта массивная книга. В тигле над огнем кипит зелёное варево, распространяя запах горьких трав. Даже распахнутое в ночь окно не в состоянии его выветрить.

У стола стоит приземистый человек. Фиолетовую мантию украшают изображения. Таргитай рассмотрел на спине огромного сокола, а также Мировое Древо, птиц с женскими лицами.

Узоры выглядят таинственно, пёстро, так что сразу видно: перед ним служитель культа, как раньше Мрак называл Олега.

Старик повернулся, и дудошник увидел его морщинистое лицо. Кончики седых волос касаются плеч. Старик глянул на невра из-под кустистых бровей.

Некоторое время его рассматривал, будто Таргитай – призрак, а не человек из плоти и крови. Невр попробовал двинуться и с облегчением ощутил, что тяжесть в руках и ногах исчезла.

– Ты тот самый воин, заморозивший князя игрой на дуде, – произнёс старик, наконец.

– Чего тебе надо? – спросил Таргитай. Шагнув вперед, он тут же упёрся в незримую стену. Пальцы чувствуют упругое и гибкое, но продавиться через препону не могут.

– Да просто хотел на тебя посмотреть, – пояснил старик, глядя с безразличностью, точно на муху. – Воин, который в одиночку зарубил семерых конников, а потом ещё и на пиру изумил всех божественной, как говорят, музыкой. Такое бывает нечасто!

Таргитай поморщился, запах трав от кипящего в тигле варева сделался настолько гадостным, будто туда кинули коровье дерьмо.

– Если уже насмотрелся, – сообщил он беспечно, – то я пойду. У тебя такая вонь, что хоть топор вешай.

Губы мага раздвинулись в жёсткой улыбке, невр увидел крупные, как у лошади, желтоватые зубы.

– Не спеши, – сказал он властно. – Меня зовут Радомир. Как ты уже понял, я маг. На службе у Кологора, присматриваю за ним с самого его детства, оберегаю.

Богатырь представляться не стал, много чести, да и вообще он сюда в гости на ночь глядя не напрашивался. Сейчас бы давно уже сладко спал, а тут этот дед, которому приспичило поговорить. Таргитай его отчасти пожалел – маг один сидит в этой башне, видать, друзей нет. Вот до чего магия доводит.

– От меня-то тебе что надобно? – спросил Тарх. – И зачем отгородился этой плёнкой?

Старик неспешно приблизился, и невр услышал, как незримая плёнка лопнула с тихим хлопком. Старик с подозрением обшаривает взглядом его лицо.

Маг оглядел широкие плечи этого парня, смерил взглядом кулаки – в каждом запросто поместится дыня, а если сожмёт, то во все стороны брызнет соком и мякотью.

– Не понимаю, – признался Радомир, наконец. – Здоров, как стадо быков. Тебе бы махать мечом. Но от тебя идет непонятная волшебная сила. Могучая! Её природу пока распознать не могу, но чую, ты не обычный воин, который просто шёл мимо. Кажется мне...

Он вдруг в великом изумлении уставился на Таргитая, глаза округлились. Потом медленно покачал головой, как показалось невр, с облегчением.

– Фух... Да нет, не может того быть... Показалось... Такого дурня с кулаками – да в боги?! Не бывало ещё такого на свете. Да и я же маг. Это невежественные волхвы видят богов в каждом кусте или дереве, особенно если напьются. А цивилизованный маг... гм... в общем, ладно. А что это у тебя?

Старик протянул руку, и из-за пазухи Таргитая сама собой выплыла дудочка. Невр обиженно охнул, попытался схватить, но вдруг понял, что руки не повинуются. Повисли тяжёлыми гириями. Он бросил на мага обвиняющий взгляд.

Дудочка по воздуху подплыла к старику, легла прямо в раскрытую ладонь.

Радомир принялся вертеть в руках, осматривать и так, и этак со всех сторон. Понюхал и даже попробовал подуть. Сопилка отозвалась натужным свистом.

– Дай сюда! – выпалил певец с обидой.

Старик небрежным жестом отослал дудку по воздуху назад.

Руки вновь повинуются, певец быстрым движением сунул её за пазуху. Попробовал сделать шаг к магу, но вновь ощутил, что между ними незримая стена. В босую ступню вонзилось острое, он, едва не вскрикнув, отпихнул острый камешек.

Радомир тем временем подошёл к столу и принялся сосредоточенно листать толстую книгу. Пальцы торопливо перелистывают страницы, будто только что видел нечто важное, но потерял и теперь не может отыскать.

– Вот! – молвил старик, наконец. Он посмотрел на Таргитая победно. – Ходят слухи, что недавно из древнего дремучего Леса вышло трое невра, и мир с тех пор резко поменялся. По всем землям словно прокатилась магическая волна. У многих людей открылся дар к волшебю, а также некоторые (единицы!) теперь могут складывать песни. Такие, что проникают в самое сердце, задевают глубинные струны!

Он смерил Таргитая снисходительным взглядом.

– Должно быть, тебе передалось это волшебное умение. Один из тех невра был светло-волос и голубоглаз – прямо, как ты. Он добыл Меч Перуна, а ещё был славен божественным даром слагать песни. Говорят, они воздействовали на людские сердца сильнее, чем самая мощная магия!

Радомир на мгновение смолк, взгляд сделался отстранённым, словно когда-то лично зрел этих загадочных невра из Леса, и сейчас накатили воспоминания.

– Говорят, те трое до сих пор бродят среди людей, – молвил он, наконец. – А один из них, тот самый дударь, перековал Меч на плуг, ярмо и чашу, побил в битве самого Ящера и стал новым богом!

Вздыхнув, будто мечтает самолично увидеть этих героев, он повёл дланью, и стена за спиной Таргитая сделалась прозрачной. Дудошник увидел свою окутанную полумраком комнату в детинце.

На стене перед ним закручиваются красно-зелёные спирали, мелькают женские лики, странные, белоснежные кони с рогом во лбу, которых он никогда не зрел. Однако при виде этих божественно красивых коней сердце от восторга застучало чаще.

– Ступай, – проговорил Радомир. – Но помни: князь мне дорог, как сын. Посмеешь причинить Кологору зло – пожалеешь, что родился на свет. И тогда никакие песни не помогут.

Таргитай ощутил толчок пониже спины, будто зловерный маг просто отвесил пинок под зад. Стены с книжными полками промелькнули с захватывающей быстротой. Навстречу метнулась погружённая в полумрак комната. Дударь, как лягушка, распластался на полу.

В носу защекотало, он тут же чихнул. Звук был такой, словно в горах обрушилась лавина. Единственный светильник погас.

Поднявшись, Тарх завалился на ложе, деревянная поверхность под периной протестующе скрипнула.

Вскоре стены комнаты легонько задрожали от храпа.

Глава 5

На следующий день нехотя пробудился, когда солнце уже било в глаза, а со двора раздавались громкие голоса челяди. Таргитай, сладко потягиваясь, сел на ложе, спустив ноги на пол.

За окном доносится людской говор, протяжное мычание коров. Где-то заржал конь. Таргитай услышал перестук молотов в кузнице, ноздрей коснулись запахи свежее испечённого хлеба. Тут же потянуло мясным борщом, и желудок Таргитая звучно возроптал, намекая, что пора бы поесть.

Воздух в комнате жаркий, солнце за окном уже высоко. Будь здесь Олег с Мраком, давно бы разбудили пинками.

Таргитай тряхнул головой. Он рассудил, что пока можно и нужно спать и есть вволю, потому что позже могут настать более тяжёлые времена.

Развернул тряпицу. Слегка подмокшее и отдающее запахом крепкого мужского пота Перо Власти приветствовало его чистым белым сиянием. Однако, задержав на нём изумлённый взгляд, он узрел не только золотистый свет, но и красный, бирюзовый, сиреневый, что неуловимо меняется и превращается во все цвета радуги одновременно.

Аккуратно завернув Перо назад в тряпку, положил на подушку. Сам же ещё раз широко раскинул руки, потягиваясь и чувствуя, как сладко похрустывают суставы, как кровь быстрее бежит по крепким мышцам.

Внезапно дверь распахнулась, и трое слуг с кряхтением втащили большую кадку, поставили в самом центре. Прodelали всё быстро, откланялись до земли и ушли.

Едва они скрылись, в комнату одна за другой стали заходить девки с вёдрами и выливать в кадку воду. От воды валит пар, сразу сделалось жарко, а девки в сарафанах поглядывают на Таргитая, хихикают, к молодым лицам приливает кровь, заставляя щёки наливаться зазорным румянцем.

Невр смотрит с удовольствием на их яркие сарафаны, пышные формы – всех как специально подобрали. Все дородные, полные жизненных сил, кровь с молоком.

Таргитай засмотрелся, но вдруг в мысли ворвался образ Ладомиры – её божественная красота, гордый и одновременно загадочный лик сразу затмили простую привлекательность служанок.

Девушки бросают на полуголового богатыря откровенные взгляды, щупают взорами его выпуклую грудь, крепкие, сильные руки, кубики мышц на животе и робко спускаются ниже.

В кадку натаскали воды, и в комнате сделалось жарко, как в парной. Невр скинул портки. Горячая вода приняла молодое сильное тело, поднялась до ключиц. Девки принялись тереть его пучками трав, разминать плечи и спину. Добавили в воду травяных настоек, отчего пошел кружащий голову запах.

Вскоре раздались гулкие шаги в коридоре. Певец раскрыл зажмуренные в блаженстве глаза и увидел, что рядом стоит седовласый Кодлан. Уже привычная физиономия, только на месте одного из ушей обрубок. Через шею тянется уродливый застарелый шрам. Смотрит с неудовольствием, словно с утра вместо сбитня ему дали выпить уксуса.

– Долго спишь, – промолвил воевода вместо приветствия. – Солнце скоро садиться начнет. В твоих краях так принято?

– Я сплю про запас, – пояснил Таргитай с ленцой. – Сегодня отправлюсь дальше, опять нелёгкая походная жизнь – снова кони, постоянные дворы, враги, если повезёт, женщины...

Прислужницы внимают, глядя на него восторженными глазами. Судя по взглядам, что кидают на лежащую на ложе дудочку, все хотя бы краем уха слышали его вчерашние песни. Они подливают в кадку горячую воду из огромного ушата, отскабливая Таргитая от глубоко въевшейся в кожу грязи и пыли.

Вскоре вода сделалась чёрной, будто туда насыпали угля. Тарха в последний раз сполоснули, насухо вытерли широким полотенцем.

– Насчет походной жизни, это ты ошибся, – загадочно проговорил Кодлан, когда девушки выскользнули из покоев, а дударь принялся надевать принесённые нарядные портки и расшитую петухами рубаху. – Можешь с ней попрощаться.

– Это ещё почему? – спросил Таргитай с наивной простотой. – Думаешь, князь Кологор попросит ещё ему песни сыграть?

– Твои песни князю до одного места, – пояснил Кодлан с охотой. – Эх, посадить бы тебя на кол, потом снять, отрубить голову, а потом снова – на кол. Чтоб подольше мучился. А то приехал тут такой, рубит, понимаешь, княжеских воинов, поёт песни, строит глазки княжне, и никакого ему наказания.

– На кол за то, что рубит или за то, что играет песни? – уточнил дударь, глядя на себя разодетого в принесённое зеркало.

Стройный, могучий, голубые глаза лучатся силой и молодостью, влажные после мытья золотистые волосы красиво лежат на плечах. В зеркале же, за его спиной, отразилась недовольная и враждебная физиономия воеводы.

– За всё сразу, – проворчал Кодлан. – Да ещё и за то, что, наверняка, совершишь опосля.

– Что помыли, то хорошо, – молвил невр довольно, когда воевода повёл по длинному коридору. Здесь даже сейчас, при падающих в окна лучах дневного света, горят светильники, добавляя освещения и распространяя сладкий аромат благовоний. – Теперь месяц-два можно не мыться. Это вообще вредно, от частого мытья я чешусь. А что ты там насчёт попрощаться с походной жизнью?

– Сейчас всё узнаешь сам, – ответил Кодлан, проводя пальцами по коротким седым волосам, отчего стал похож на встопорщенного воробья. – Князь оказывает тебе великую честь! Даже не знаю, чем ты, дурень, её заслужил! Тебя бы повесить на главных воротах! Голову отдельно, задницу тоже. И ноги поотрубать.

Таргитай смерил его жалостливым взглядом. В глазах океан сочувствия, желание помочь, осчастливить этого несчастного бедолагу.

Он неодобрительно покачал головой.

– У тебя на уме только одно. Убить да повесить. В жизни много и других радостей – чистых, светлых! Поесть или поспать, например. Поиграть на дуде. А если ещё и девка попадётся красивая, так это ж вообще всё равно что в вирий живьём попасть.

Воевода посмотрел искоса, машинально потрогал на поясе рукоять меча, но вспомнил, что этот голубоглазый дурень – княжеский гость.

На нём кровь Сыча, промелькнула мысль. Ненависть поднялась чёрной волной, накрыв воеводу с головой. Челюсти сжались так, что заскрежетали зубы. Всё это отразилось на угрюмом лице.

– Что это с тобой? – спросил Таргитай с участием. – Клещ вцепился? Вытащить и не проси! Я только на голые зады девок согласен смотреть. Иногда только туда смотреть и можно, коли лицом не вышла. Помню, как-то раз во дворце кагана...

Кодлан пригвоздил его ненавидящим взглядом к стене.

Они шли по многочисленным коридорам, проходили сквозь длинные широкие палаты. Навстречу попадались гридни, мелькали спешащие слуги.

Спустившись на нижний ярус, вышли в распахнутые створки дверей.

В глаза ударил яркий дневной свет. Нахлынул гул множества голосов, конское ржание, перестук кузнечных молотов, кто-то громко и зычно захохотал.

Он увидел множество бояр, слуг, боярских жён, дочерей. Тут же поблёскивают доспехами дружинники.

Позади них толпится простой люд, который пропустили через открытые ворота. Бояре стоят величественно, переговариваются. Кто в соболиных шубах, несмотря на жару, кто в легких доспехах, металлические пластины ярко блестят, отражая яркий солнечный свет.

Князь восседает в массивном деревянном кресле. С плеч поверх кафтана спадает ярко-красное, как кровь, корзно. Кологор сурово поглядывает по сторонам, взгляд то и дело упирается в башню мага, что стоит поодаль.

Рядом восседает Аграфена. Праздничный наряд на княгине украшен жемчугом, на груди ожерелье из золота и янтаря, похожего на застывшие кусочки солнца.

За спиной Кологора, как гора, высится могучего телосложения воин. На выбритой голове устрашающе висит длинный чуб. Кольчуга из крупных колец поблёскивает на солнце. На поясе массивный боевой топор с узким лезвием.

Воин повернулся, посмотрел на Таргिताя. Их взоры встретились. Гигант пару мгновений буравил его взглядом тёмных, как кора старого дуба, глаз. На костистом лице с выпирающей нижней челюстью невр прочел глубокую неприязнь.

За открытыми воротами детинца пестрит лотками ярмарка, в глазах рябит от людей в нарядной одежде.

Ветер донёс запах жареной рыбы, пирожков с мясом и капустой, кислой браги.

Засмотревшись в небо, певец вдруг увидел скачущего белоснежного единорога. На спине восседает огромный богатырь, меч в руке занесён для удара. Ему навстречу несётся другой, столь же могучий, лицо скрыто под шлемом. Над головами развеваются золотистые прапоры.

Кодлан толкнул его в бок, и видение рассыпалось, превратившись в обыкновенные, похожие на взбитые подушки облака.

Кологор поднялся с массивного трона. Широкий в кости, с грозным взглядом. Он вскинул руки, привлекая внимание.

Бояре и простолюдины во дворе стихли, замерли в ожидании.

– Жители княжества Родон! – проговорил князь громко. – Сегодня у нас торжественный день!

Кологор посмотрел на сидящую рядом жену, затем на окна каменного детинца на третьем поверхе.

– Праздник в честь помолвки моей дочери Ладомиры, – продолжил он. – Отдаю её за витязя по имени Таргитай! Он многократно доказал свою силу и доблесть! Этот варвар... эээ... герой станет достойным мужем для княжны! Он укрепит силу нашего княжества, которая и так... гм... немалая!

У Тарха от изумления открылся рот, да так широко, что туда запросто бы влетела ворона.

Кологор повернулся, палец с перстнем указал на дударя. Однако улыбался князь одними лишь глазами, лицо его оставалось суровым. На лбу собрались змеи морщин.

Все взоры обратились на невра. Глаза бояр и дружинников широко раскрылись от удивления.

– Любить и жаловать моего будущего зятя! – проговорил Кологор повелительно. – Свадьба через три дня!

Толпа взорвалась радостными криками. Здравницы кричит простой люд, а бояре и воины сдержанно улыбаются, словно не знают, как правильно реагировать. Но вот кто-то с грохотом ударил рукоятью меча в щит, проревел:

– Слава Таргитаю!

– Слава отважному воину!

Из бояр и их жён хлынули здравицы. Над площадью загремели радостные крики.

– Я... – потрясённо пробормотал дудошник. – Это за меня что ли... Ладомиру?

Однако в груди разлилась горячая сладость. Перед мысленным взором засиял прекрасный лик княжеской дочери. Захотелось протянуть руку, погладить её чёрные, как вороново крыло, волосы, полюбоваться лучистыми глазами.

– Сам удивляюсь нашему князю, – проговорил Кодлан. Он почесал в затылке. – Руку Ладомиры обещали Альгарону по прозвищу Дикий Бер – вон видишь, он прям возле князя? Приехал из Артании, да так и остался служить, ожидая, пока княжне стукнет шестнадцать вёсен. Яро добивается её руки! Границу держит в железном кулаке, мышшь хрен не просунет. Князь поступил опрометчиво. Хотя, если Кологор решил так от тебя избавиться, то неплохой способ. Альгарон же тебя на куски порвёт, ха-ха-ха!

Таргитай двинулся через толпу. Перед ним расступаются. Он буквально чувствует, как его ощупывают взглядами. Многие смотрят насмешливо, как на вышедшего из Леса дикаря, что-то шепчут друг другу.

Наконец, протолкнулся к самому княжескому престолу на возвышении и поднялся по ступеням сбоку. Стоящие тут же гридни загородили дорогу, ладони легли на рукояти мечей. Смотрят с вызовом, мол, давай, только дай повод тебя зарубить!

Князь сделал небрежный жест, и дружинники расступились.

Возвышающийся на троне Кологор перешёптывается с княгиней. Звероватый Альгарон сверлит невра озлобленным взглядом. Челюсти крепко стиснуты, подбородок мощно выдается вперёд. В левом ухе поблескивает серьга.

Таргитай увидел, как тот наклонился и что-то зашептал князю на ухо. Кологор медленно кивнул, глаза на миг превратились в злые щёлки.

– Дозволь слово молвить, светлый князь, – сказал невр.

– Дозволяю, – отвечал тот со смешком. – Что, не веришь, поди, своему счастью? Не каждый день князь Родона жалует тебе руку своей дочери. Да, богатырь, теперь остепенишься. Перестанешь валять дурака, а на дуде своей будешь разве что Ладомире на потеху играть. А мне такой воин как ты не помешает. Враги станут трепетать еще сильнее, чем раньше.

Аграфена смотрит на Таргिताя благожелательно, губы раздвинуты в улыбке. На щеках образовались ямочки. Улыбается величественно и вместе с тем холодно, как подобает жене правителя.

– Благословляем тебя на брак с дочерью, доблестный Таргитай, – молвила она. – Ты будешь прекрасным защитником наших земель.

– Альгарон держит западные рубежи, – добавил Кологор, – тебе доверю северные, на границе с Куявией и Славией. О твои плечи разобьётся любой натиск куявов. Славы после недавней войны с нашим царем Алкедоном не поднимают голову, но и с ними надо держать ухо востро.

Певец не дал договорить, почувствовал, как слова сами слетели с губ, под грохот рвущегося из груди от волнения сердца.

– Светлый князь Кологор! И ты, мудрая княгиня. Ладомира мне любя с первого взгляда. Для меня ваше предложение – несказанная честь!

Князь понимающе улыбнулся, кивнул. Таргитай заметил, как лицо Альгарона позеленело. Челюсти артанца стиснулись ещё сильнее, на скулах проступили желваки.

Ненавидящий взгляд впился в лицо дудошника, как остро заточенные стрелы.

– Увы, я не могу принять предложение, – добавил невр с грустью. – Ладомира навеки в моём сердце, но меня зовёт дорога! А жребий мой уж определён, и не могу вот так остаться при дворе, выбрать жену и народить детей.

– Это мое последнее странствие по земле, – продолжал Таргитай возвышенно. – Потом – боги отмерили иную судьбу! И, как бы я ни желал того всем сердцем, отсидеться в стенах твоего кремля не получится. Если отдашь за меня Ладомиру, разобьёшь ей сердце, ибо вскоре мне всё равно придётся уйти. Да и какой из меня бдитель... или бдун... на границе. Это в драке

я готов кулаком в морду, а так – мне бы тёплую печь с лежанкой, дудочку да вкусно поесть. И пропади пропадом любая война! Я радею за мир!

Он говорит сбивчиво, торопливо, слова слетают с губ неуклюжие и неровные, а сердце колотится о самые ребра. Его гулкий стук отдаётся в висках, шепча, что можно бы и остаться – никуда это боговство не денется. Числобог же сам рёк, что можно жить и среди людей, бродить, скитаться, любить, наслаждаться жизнью.

Однако невр почувствовал, как медленно, но верно стало крепнуть доселе незнакомое и пугающее чувство ответственности. Тихий голос шепчет внутри, что к прежней беспечной жизни возврата нет, она закончилась с уходом Олега и Мрака, за чьими спинами постоянно отсиживался.

Кологор сдвинул брови. Дударь видел, как ладони на подлокотниках трона сжались. Княгиня побледнела и дёрнулась, будто получила пощёчину.

– Уж не хочешь ли ты сказать, – процедил князь, – слишком хорош для моей дочери? Ты, варвар из Леса, даже не представляешь, сколько лучших соревнуются за честь получить её руку! Бьются в кровь ради её внимания, мимолётной улыбки!

Княгиня медленно кивнула, поддерживая мужа, однако в глазах застыло неверие и оскорблённое выражение, словно тот, кого только что облагодетельствовала, ударил ее ножом в спину.

– Ладомира тебя любит, ты, стоеросовый дурень, – продолжал Кологор. – Она сама выбрала тебя в мужья. Если откажешься, я велю пытаться тебя с утра до ночи, пока кровью не изойдёшь. Потом мой маг отпоит целебными травами, и палачи возьмутся за тебя снова – и так по кругу. Я лично вырежу твою печень и брошу псам. Твои кости растащат звери в лесу. А эту дудку я засуну тебе в задницу, и никто про твои песни не вспомнит. Понял меня?

Таргитай молчал. Мысли сузились до одной пульсирующей точки. Мир резко сдвинулся из необъятного до перекошенного злостью бородатого лица Кологора. Радостные крики толпы долетают, как сквозь подушку.

– Сутки тебе на размышление, – прорычал князь, глядя исподлобья. – Если снова откажешься, можешь прощаться с никчемной жизнью. Как говорил мой дед, нечего на зеркало пенять, коли мозгов в голове нет!

Невр медленно кивнул. Вид у него растерянный, широко распахнутые глаза смотрят неверяще, словно над ним просто пошутили жестокие люди, но сейчас всё сделают, как он просит.

Однако ничего не изменилось. Тишина начала сгущаться, как незримые тучи. Князь смотрит свирепо, вот-вот накинется, как дикий кабан в лесу.

– Ступай, – бросил Кологор, сопроводив возглас взмахом руки.

Невр повернулся, чувствуя на плечах всю тяжесть мира. Хмурые гридни расступились, пропуская.

Таргитай чувствует, как в спину упираются недоброжелательные взгляды. Впереди, как Данапр перед ладьёй, расступается толпа. На лицах улыбки, что-то выкрикивают, хлопают по плечам.

Ему вдруг захотелось оказаться подальше от этого шума и радостного ора. Дудочка за поясом так и просится в руки, просит лечь где-нибудь в уголке и поиграть.

В голове роятся мелодии и образы для новых песен, теснятся, толкают друг друга. Самое время заняться хотя бы одной, придать форму, облечь в музыку и слова.

А ещё он ощутил пустоту в животе. Как проснулся, ещё так и не поел, и теперь голод грызёт рёбра, желудок скулит и рычит, как пробудившийся зверь.

Глава 6

Ноги интуитивно отыскивали дорогу на кухню. Тут полно народа – варят, жарят, пекут. Челядь тут же уносит запечённых гусей, зажаренных на вертелах поросят, обложенных яблоками и сдобренных соусами из заморских трав.

Воздух полон умопомрачительных запахов, висит плотным сизым туманом. В нём дудошник различает пылающие очаги, котлы, толстых поварих, которые что-то мешают в огромных чугунах, с шипением переворачивают на сковородках.

Узнав важного княжеского гостя, который поразил даже слуг своими песнями на пиру, его тут же усадили за небольшой стол, поставили блюдо с парующей гречневой кашей. Рядом чьи-то руки опустили блюдо с сочными ломтями зажаренного до нежной корочки мяса.

– Спасибо, – бормотал Таргитай, – спасибо!

Руки уже потянулись к блюду, пальцы суют огромные ломти в рот. Челюсти мощно заработали, по подбородку на расшитую петухами рубаху потекли коричневые капли сока.

Невр быстро справился с тем, что принесли, но молодые девки так и выются вокруг, подкладывают лакомые куски, несут зажаренных целиком кур и гусей, тяжёлые ломти исходящих вкусным запахом пирогов.

Насытив первый голод, дударь принялся есть неторопливо, смакуя каждый кус мяса, божественно вкусного яблочного пирога, глотнул медового кваса, настоящего на ягодах и травах.

Наконец, он распустил пояс, тяжело выдохнул, но проглотил еще штук десять пирожков с вишней, рыбой и курятиной.

Сыто рывнув, отодвинулся от стола, поблагодарил. Отяжелевший, он выбрался из пропитанной запахами еды кухни и оказался во дворе. На противоположной его стороне до сих пор толпится народ, бояре с дружинниками разошлись, теперь там простой люд. Кологор с деревянного помоста выслушивает и разбирает жалобы.

Толпа приветствует его решения громогласными воплями радости, выкрикивает здравицы.

Двор вокруг Таргитая пестрит строениями – сараи, конюшни, кузницы, несколько колодцев с железными воротами. В раскрытых воротах конюшен видно, как в стойлах отмахиваются от мух кони. Доносится ржание, пахнет сеном, свежими конскими каштанами.

Тут же из трубы на крыше кузницы валит густой чёрный дым, из раскрытой двери идёт волна сухого жара, доносится тяжёлый звон молотов.

– Ты что ж это, дурень, наделал?! – донёсся из кузницы разъярённый вопль. – Это не меч, а кочерга! Ей только быков под брюхом чесать!

– Прости, Макар! – проблеял молодой виноватый голос. – Я отработаю! Я ж только учусь!

– Это меч для самого доблестного Альгарона! – вновь проревел коваль. – Если к завтрашнему утру не переделаешь, я на него твои кишки намотаю! А потом – князь наматает мои!

Таргитай направился к ближайшему колодцу – во рту после свинины с острыми травами сухо, язык превратился в кусок жёсткого мяса, который едва не обдирает дёсны.

Внезапно перед ним возник высокий коренастый воин. В плечах косая сажень, с выбритой до блеска головы свисает длинный клочок чёрных, как ночь, волос. Невр узнал Альгарона по кличке Дикий Бер.

Кольчуги на нём уже нет, ворот простой льняной рубахи колыхается от ветерка. В левом ухе поблёскивает серьга. Сквозь ткань рубахи заметна широкая и могучая, как пиршественный стол, грудь. Тяжёлая нижняя челюсть агрессивно выдвинута вперёд. Тёмные карие глаза смотрят с ненавистью.

– Так это ты жаждешь жениться на Ладомире, – прогудел Альгарон, как будто говорит со дна огромной бездонной бочки. – Её жених – я, а не ты!

Он ткнул себя кулаком в грудь, которая словно бы сложена из двух каменных плит.

– Её рука обещана мне! – продолжал он. – А не какому-то схомороху с дудой!

Таргитай раздвинул плечи, которые оказались даже шире, чем у артанца. И ростом невр с ним вровень, смотрит глаза в глаза. Мимо спешит по своим делам челядь, несут вёдра, охапки дров, на двух богатырей обращают внимание лишь мимоходом.

– Ладомира прекрасна! – провозгласил Тарх. – Она самая красивая, кого я когда-либо встречал!

Альгарон потемнел лицом. Глаза сузились, словно выбирают цель для выстрела из лука.

– Я не спорю, что самая красивая, – прорычал артанец. – Ты проваливай отсюда по хорошему, а не то...

Его рука потянулась к висящему на поясе топору.

– Не то я покажу, как умеют сражаться артанцы! Да я и без топора управлюсь с дюжиной таких, как ты! Уразумел, дударь?

Подбежал седовласый Кодлан, металлические пластины на кожаных доспехах поблёскивают на солнце, в глазах злое любопытство. Но по лицу видно, что всё понял, губы растянулись в злорадной улыбке.

– Будете драться? – спросил воевода, радостно потирая ладони. – Правильно! Руку княжны надо заслужить в честном бою, когда морда расквашена, губы, как олады, а кровавые сопли тянутся аж до самых сапог. И раскачиваются, раскачиваются на ветру... Ладомира придёт в восторг. Это же так романтично. Мечта любой женщины, когда за неё дерутся мужчины!

– Отойдём вон в ту конюшню, – предложил Альгарон, указывая на широкое строение из толстых, потемневших от времени брёвен. В распахнутых воротах негромко ржут кони, опустив головы, едят зерно из кормушек. – Выясним, кто из нас лучший!

– С удовольствием поучаствую в разговоре! – с готовностью вызвался Кодлан, глядя на Таргिताя мстительно. – Он убил моего друга. Страсть как жажду с этим невром поговорить. Вдвоём с тобой мы его так уговорим, так уговорим! А если позвать ещё и десяток отборных гридней, то разговор вообще будет долгим, интересным и познавательным!

Альгарон вскинул могучую длань.

– Остынь, воевода. Это между ним и мной! Я и один управлюсь. Пусть даже он решит воткнуть сопилку мне в глаз, ха-ха!

– Дикий Бер! – воскликнул Кодлан предупреждающе. На немолодом лице с мелкими морщинками отразилась тревога. – На пиру он играючи зарубил твоего земляка! То был могучий боец, но певец его с лёгкостью одолел!

– Мало ли в Артании слабаков, – отмахнулся воин. – Ну что, Таргитай, или как там тебя, идём? Или убить тебя прямо здесь? Не хочу, чтобы Ладомира видела твой искалеченный, бездыханный и мёртвый, зарубленный труп.

– Пошли, – кивнул Таргитай, провожая взглядом прошедшую мимо девушку с коромыслом и вёдрами. Взгляд голубых глаз не отрывается от стройного тела, гибкого стана и толстой чёрной косы, что красиво спадает на спину. Девушка послала невр насмешливый взгляд и, не останавливаясь, направилась на кухню.

– А ты стой здесь, Кодлан, – прорычал Альгарон, оглядывая просторный двор, кишачий челядью.

Князь на дальнем конце до сих пор разбирает жалобы. На артанца и дударя никто не обращает внимание, всяк занят своим делом.

– Проследи, чтобы нам никто не мешал. Вдруг этого... гипербоневра будут искать.

– Я гиперборей, – ответил Таргитай, чувствуя, как сердце оскорблённо дрогнуло и застучало быстрее, гоня кровь в могучие кулаки, которые уже сжались в предвкушении драки. Он

гордо вскинул голову, волосы цвета золотого песка рассыпались по плечам и спине. – Гиперборей!

Едва Таргитай с Альгароном скрылись в воротах конюшни, как из терема вышла княжеская дочь. Грациозная и стройная, Ладомира держится величаво, как подобает княжне.

На ней платье из красного шёлка, заплетённые в косы чёрные волосы лежат на прямой, как струнка, спине. Взглядом окинула двор. На всегда хладнокровном, высокомерном лице застыло лёгкое недоумение.

Заметив воеводу, неспешно и царственно подошла.

– Госпожа Ладомира, – приветствовал Кодлан лёгким поклоном. Сам незаметно бросил взгляд на конюшню, где только что скрылся невр и артанский воин.

– Кодлан, ты не встречал Таргитая? – спросила княжна. – Нигде не могу его разыскать, даже в покоях его нет.

Воевода развел руками.

– Прости, госпожа, я его не видел. Насколько помню, он ушёл куда-то в сторону кухни, а потом я его ну совсем не видал! Наверное, пошёл жрякать наши запасы да мять девок на сеновале. Заезжие богатыри, они такие, ты же знаешь.

Ладомира вскинула брови, но затем покачала головой.

– Таргитай не такой, Кодлан. Он доблестен и отважен! Он станет мне верным супругом!

– Прошу прощения, госпожа, но как же Альгарон? – опасливо спросил воевода. – Его боятся даже сами артанцы! За ним вы и наше княжество как за каменной стеной!

– Как за каменной стеной склепа, – поморщилась девушка. – Я ещё не встречала человека зануднее. Кстати, а где Альгарон? Мне нужно с ним обмолвиться парой слов.

Стену конюшни сотряс удар. С крыши посыпались стебельки соломы. Княжна посмотрела в ту сторону, но затем, решив, что почудилось, вновь повернулась к Кодлану, рот приоткрылся, чтобы задать вопрос.

Конюшню потрянуло сильнее. Из ворот донеслось испуганное конское ржание.

– Что там происходит? – спросила Ладомира, повернувшись.

Кодлан, как бы извиняясь, развёл руками.

– Госпожа, это... э-э-э ...кони!

Ладомира удивлённо приподняла тонкую, как чёрточка, бровь.

– В каком смысле – кони?

Мимо двое дюжих мужиков пронесли тушу забитого быка, направились к детинцу, что выситя посреди двора.

Вновь испуганно заржал конь. Изнутри конюшни донёсся треск ломаемого дерева, ближайшая к Ладомире стена снова дрогнула.

– Князь Горилка прислал твоему батюшке в подарок дивного коня! – нашёлся Кодлан. – Племенной, от него пойдут крепкие, выносливые жеребята. Сейчас этот конь... гм... окучивает кобылицу.

Внутри конюшни загремело, словно кто-то головой налетел на полки с железной посудой. Грохот эхом прокатился по двору. Вновь донеслось испуганное ржание. Кто-то из челяди останавливался, удивлённо смотрел, но затем спешил дальше.

Ладомира стояла к раскрытым воротам конюшни спиной и не видела, как на краткий миг там мелькнула широкоплечая фигура с золотыми волосами. Прямо в проёме ворот, как небрежно брошенный куль с углём, пролетел артанец с болтающимся во все стороны чубом на голове.

Вновь прогрохотало, будто лбами столкнулись два огромных быка.

Княжна обернулась, взгляд впился в раскрытые ворота конюшни. Там клубится пыль, как будто проскакало стадо диких коней.

– Пойдём посмотрим, – сказала она, – как-то уж чересчур усердно конь охаживает наших кобылок.

– Не стоит, моя госпожа, – торопливо проговорил воевода, забегая перед ней и становясь на дороге. – Мы можем всё испортить. Этот конь особенный, ему, чтобы... гм... словом, мы можем его спугнуть – и тогда кобылица останется неоплодотворённой!

– Что за кони пошли, – с осуждением проговорила Ладомира. – Говорят, в древние времена кони и женщин оплодотворяли. После таких браков появлялись коньтавры – наполовину люди, наполовину кони. А теперь только зайди да посмотри, так сразу помешаешь... Ладно, мне нужно идти. Передай Таргитаю, что я хочу его видеть. Пусть сразу же идёт в мои покои.

– Как прикажешь, госпожа, – отвечал воевода с приторной улыбкой.

У него за спиной снова гроыхнуло. Из стены выбило кусок трухлявого дерева, на короткий миг на улице оказалась лысая голова с чубом, которой только что пробили насквозь стену. Тут же в открывшемся небольшом проёме показался Таргитай. Он резко дёрнул артанца за ноги, и Альгарона втащило назад.

Кодлан, охнув, поспешил к конюшне. Туда уже принялись сбегаться челядинцы, обмениваясь тревожными взглядами. Что-то друг другу кричат, но входить не решаются. В конюшне внезапно воцарилась тишина, затем раздался громкий хохот, от которого задрожали стены.

Воевода осторожно вошёл.

От масляных фонарей под потолком идет тусклый свет. Земляной пол выстлан соломой. Воздух заполнен запахом старой, засохшей травы и конских каштанов. Лошади нервно стучат копытами, вырывая целые комья земли, испуганно дёргаются. Ноздри воеводы уловили сладковатый запах вина, что туманом стелется по всей конюшне. Брови Кодлана изумлённо взлетели.

Ни невра, ни артанца не видно. Пальцы нащупали на поясе меч. Он осторожно двинулся в полумрак.

Наконец, услышал голоса, а затем и рассмотрел обоих богатырей, что расселись на полу. У каждого в руках чарка, рядом стоит глиняный кувшин. У артанца на лбу алеет кровоподтёк.

– Нет, Тарх, ты не прав! Лучше артанских коней не сыскать на всей земле, куда бы ты ни пошёл! Они самые быстрые, самые резвые, выносливые! Давай сюда чарку, налью!

– Что твои кони! – отмахнулся невр. – Вот мы с двумя друзьями летали на змее! Вот кто самый быстрый и выносливый! А ещё и за день на нём проедешь столько, сколько на коне лишь за трое суток!

– Не верю! – взревел Альгарон изумлённо. – А ну, вдарь!

– Опять?! – изумился Тарх.

– По древнему артанскому обычаю, – пояснил Альгарон гордо, – у нас почитают странников, которые обошли весь свет и много чего повидали! Поэтому тем, кто им не верит, дают в морду!

– У нас в Лесу, – проговорил Таргитай важно, – в морду давали тем, кто приходил и начинал брехать о других деревнях и народах!

Они с Альгароном захохотали одновременно. Потом артанец встал, гордо вскинул голову, на губах заиграла радостная улыбка, что он следует завету пращуров. На скуле уже алеет кровоподтёк, губы разбиты. У невра тоже под глазом темнеет синяк.

Тарх с размаха залепил ему кулаком в челюсть. Альгарона отшвырнуло на бревенчатую стену. Послышался звонкий треск, стена дрогнула. С потолка посыпались щепочки.

Воевода услышал за спиной осторожные шаги. Мгновенно обернулся, выхватив меч.

Перед ним трясётся от страха старый конюх. Старик стащил с головы шапку, поклонился в пояс. Кодлан убрал оружие в ножны.

– А, это ты, Мирозар.

– Я, воевода, – кивнул старик торопливо. – Не убивай!

– Что тут происходит? – спросил Кодлан, указывая себе за спину, где Таргитай с Альгароном пьют, вольготно устроившись на полу.

Мирозар со вздохом покачал головой.

– Ох, батюшка ты мой. Эти двое начали драться, один тузил другого, пока доблестный Альгарон не отлетел так, что головой пробил бочку с вином в углу. Ну, когда вино привезли для князя, я специально попросил отроков закатить одну сюда, но я честно отработаю!

– Так-так, – кивнул воевода угрюмо, – бочка, говоришь, с княжеским вином...

– Ну да, оно крепкое. Богатыри, значит, расплескали половину на пол, а потом отыскивали мой пустой кувшин с чарками, уселись и принялись похвастаться, кто где был да что видел, сколько баб поимел... Видимо, кулаками друг друга победить не смогли, решили посоревноваться иначе!

– А почему у обоих синяки на лице? – спросил Кодлан сурово. – Да и тут стены тряслись, а они, оказывается, пьянку устроили!

– Это по древнему артанскому обычаю, – пояснил Мирозар, виновато разведя руками. – Кто не верит, тому, мол, в морду, в морду. Старый артанский обычай. Дикий народ! Что с них взять.

– Хвала богам, таких обычаев нет у нас, – пробормотал Кодлан. – Меня бы тогда ещё в младенчестве закопали – я ж с детства никому не верю.

За спиной у воеводы затопали, в спину ударила волна перегара.

Он обернулся, рядом с ним вздрогнул конюх и поспешно ретировался.

Богатыри прошли мимо Кодлана, который изо всех сил старается держать лицо равнодушным, окаменевшим. Альгарон хлопнул его по плечу, едва не вогнав седовласого воеводу по колено в землю. Тот поморщился от резкой боли.

Таргитай тут же дружески хлопнул его по другому плечу, и воеводу тряхнуло опять. Он едва не завыл – оба плеча еще не отошли от недавнего ранения в схватке с куявами, когда он защищал рубежи.

У выхода из конюшни Таргитай с Альгароном остановились, слегка покачиваясь от выпитого, пристально посмотрели друг другу в глаза.

– Запомни, – прогудел Альгарон, но голос предательски дрогнул, – ежели обидишь князя или Ладомину... то вернёмся и продолжим. И пусть она сама выберет себе мужа! Достойного, лучшего, сильнейшего! Того, кто сможет больше всех выпить и сожрать! Это женщинам важнее всего! Я – именно такой, и от меня получатся сильные, здоровые дети! Уразумел?

– И ты запомни, – кивнул Таргитай, – Ладомира – краше всех на всём белом свете! Ежели выберет тебя, не смей обижать! Иначе приеду и расскажу такого, во что ты ни в жизнь не поверишь! Я знаю, сколько всего повидал в странствиях! У тебя морды не хватит, чтобы бить в неё по твоим артанским обычаям.

Выйдя из конюшни, они нетвёрдой походкой направились в разные стороны. Солнце уже перебежало на другой конец неба, палит так, что по затылку и вискам сползают крупные, как жуки, капли пота.

Кодлан смотрел, как варвар топает в сторону детинца. У Таргитая из-под ног с воплями выскакивают перепуганные куры, а мужики и бабы из челяди, что снуют туда-сюда по широкому двору, спешно дают дорогу. Воевода осуждающе покрутил головой, затем со злостью плюнул ему вслед.

Глава 7

Зайдя в княжеский терем, дудошник понял, что не может вспомнить дороги в свои покои. На его везенье, мимо проходила молодая служанка. Сарафан подчёркивает стройную фигуру, по спине струится толстая черная коса. В озорных очах горят огоньки.

– Эй, ты, – простецки позвал Таргитай, останавливая. – Идём ко мне в покои.

Девка тут же зарделась, на щеках образовались ямочки. Она смерила взглядом могучую фигуру богатыря, его сильные мужские руки. Взгляд девичьих глаз скользнул по рубахе до узкой, как её рука, талии и непроизвольно спустился ниже. По лицу разлилось мечтательное выражение.

– Богатырь желает, чтобы я взбила постель? – спросила она. – Так я завсегда готова!

– Просто проводи меня в покои, – вздохнул певец. – Я ... я дорогу забыл.

Девка прыснула, но с улыбкой двинулась вперёд, маня певца вслед за собой.

– Как тебя звать? – спросил Тарх, пока девушка вела его по бесконечным коридорам. У каменных стен горят светильники, даром, что ещё день и в сводчатые окна бьют яркие солнечные лучи.

От светильников исходит аромат диких трав, масел, которых Таргитай никогда раньше не чувал. Да и мужчина не должен разбираться во всяких там маслах да притирках, его дело защищать и добывать, а запахи – удел женщин. Правда от этих ароматов кровь стала быстрее бежать по жилам, а лёгкую усталость посиделок с Альгароном как рукой сняло.

– Меня звать Миланой, – проговорила девушка. Из ее улыбки исчезла робость, взгляд служанки не отрывается от невра. На лице такое выражение, будто не по коридору с ним идёт, а он мнёт её на сеновале у конюшни.

– Как тебе тут живётся, Милана? – полюбопытствовал Таргитай. – Кологор не обижает?

Девушка улыбнулась, продемонстрировав ровные белые зубы, и повела вверх по широкой лестнице.

– Да как же может при таком-то князе плохо житься? – ответствовала она. – За ним, как за каменной стеной. Мы все, да и княжество, в его надёжных дланях.

Милана оглянулась по сторонам, но на лестнице ни вверху, ни внизу больше никого. Лишь с соседнего поверха доносится шум – голоса стражников. Остановившись, девушка повернулась к Таргитаю, который тоже встал, как могучий дуб посреди поля, загородив собой проход от стены до стены, и теперь ни пройти, ни проехать.

– Князь-то наш, говорят, заговорённый, – прошептала Милана, доверительно подавшись вперёд. – Простое оружие не может ему навредить.

Она заметила, что стоит слишком близко к золотоволосому богатырю, заглядывает в его бездонные голубые глаза и вздрогнула от странного чувства, что будто вдруг очутилась в вирии, а вовсе не возле сильного и надёжного мужчины, который и приласкает, и защитит. Чтоб заглянуть ему в глаза, приходится запрокидывать голову. Таргитай нависает над ней, как скала.

Милана чуть отстранилась, но по телу всё равно прокатилась жаркая волна, мелькнула мысль, что вот как бы остаться с этим богатырём наедине, позволить ему то, что силой берут лишь пьяные гридни на сеновале.

– Как это – заговорённый? – переспросил певец удивлённо. – Байки это всё!

Милана от обиды надула губки.

– Ничего и не байки! – зашептала она. – Я сама слышала разговор приезжих гостей, что наш маг Радомир сотворил над ним магический ритуал. И теперь князя не убьёт ни меч, ни секира, ни копьё. Вот он какой, наш светлый князь!

Губы служанки раздвинулись в гордой улыбке, она подбоченилась, мол, это такая честь служить такому правителю.

Девка вдруг спохватилась, что стоит слишком близко к этому могучему витязю и прямо посреди кремля, как бы кто не увидел, и быстро пошла дальше.

Таргитай двинулся за ней широкими шагами, и снова вокруг потянулись залы, лестничные переходы, коридоры, где иногда встречались чванливые бояре или княжеские гридни, отроки, спешащие по неотложным делам.

Наконец, показалась знакомая дверь. Милана остановилась возле неё, закинула за спину косу, что выбилась вперёд, на её крепкую грудь.

– Может, доблестный Таргитай желает, чтобы я взбила постель? – сказала она, зардевшись и опустив глаза. – Ты – гость князя, я обязана исполнять любые твои прихоти...

– Да, – радостно кивнул Таргитай. – Ты в самом деле можешь... удовлетворить одно моё желание... гм... мужскую потребность.

Глаза девушки томно заблестели, сочные губы приоткрылись.

– Тебе стоит только приказать... богатырь...

– Принеси жареного поросёнка с кухни. И ещё чего-нибудь поесть. Тащи всё, что найдёшь. У меня сегодня был долгий разговор с вашим Альгароном. Кулаки у него крепкие, и в морду даёт неслабо. Нормальный парень, могли бы дружить! Только вот после этих посиделок так жрать хочется, что аж переночевать негде.

В животе у певца громко квакнуло. Он виновато улыбнулся, развёл руками.

– Вот видишь, Милана. Так что принеси еды. И побольше!

Девушка дёрнулась, как от пощёчины, лицо приняло холодное выражение. Глаза мечут молнии.

– Как прикажете, господин, – молвила она, и дудошнику показалось, что сладкий голос сменился змеиным шипением. – Я всё принесу.

Она развернулась и ушла, демонстративно виляя широкими бёдрами – пусть этот дурак, этот бесчувственный стоеросовый дурень с башкой, набитой соломой, видит, чего лишился!

Едва переступил порог комнаты, как вздрогнул от неожиданности – навстречу с лавки поднялась... княжеская дочь. У невра широко распахнулись глаза, он непроизвольно застыл на месте.

– Ладомира, – пробормотал Таргитай неловко, но почувствовал, как губы расползаются в счастливой улыбке.

Княжна улыбнулась, сияя лучистыми карими глазами. Певцу показалось, что в каждом из них светит солнце. Богатое платье из красной ткани ей впору. На груди, подчёркивая красоту девушки, ожерелье с серебряными фигурками лошадей, украшенными самоцветами. В ушах блестят золотом серьги.

– Доблестный Таргитай, – проговорила княжна негромко. – Сегодня мой отец прилюдно нас обручил. Это великая честь для тебя и радость дня меня. Быть замужем за таким отважным и сильным воином, который еще и божественно играет, пусть и на простой пастушьей дудочке...

– Я... это ... гм... – замялся дудошник и от неловкости принялся ковыряться в носу. При этом накрыло сладостное чувство, он принялся ковырять усерднее, взрыхляя целые пласты, но вдруг дёрнулся, поймав на себе взгляд княжны.

Ладомира вновь улыбнулась – её это, скорее, позабавило. Она приблизилась, шелестя подолом платья по ковру, и мягким движением убрала его руку от носа. Таргитай быстро вытер перст. Спohватившись, понял, что вытер о платье княжны.

– Скоро ты станешь моим мужем и повелителем, правой рукой моего отца, – сказала она мягко, но властно. – Ты должен вести себя подобающе, Таргитай. Твои долгие странствия, в которых можно быть простолюдином, окончились. Ты будущий правитель этого княжества!

Певец слушает вполуха, не отводит взгляда от её прекрасного лица в обрамлении чёрных волос, не может налюбоваться бездонными глазами.

– Я... да... – промямлил он. – Я.. это... так... как бы ... гм...

– Ничего не говори, – прошептала Ладомира, кладя указательный палец ему на губы. – Прошу, поиграй для меня. Твои песни говорят лучше всего! В них дуновение ветра, шум реки, пение соловья по утру! Слушая их тогда на пиру, я видела дивные картины, которых не зрела никогда прежде. Яркие подвиги, могучие боги, диковинные звери... Другие певцы кажутся рядом с тобой скоморохами. Их глупые песни годятся лишь для толпы. А ты... ты один смог коснуться моего сердца, вознести душу к небесам. Прошу тебя, сыграй! Сыграй для меня, Таргитай!

Руки Тарха уже отыскивали за пазухой дудочку. Едва поднёс сопилку к губам, как комнату заполнили чарующие нежные звуки. Пальцы принялись зажимать дырочки, направляя звуки в нужную сторону, сплетая дивную песнь.

Перед княжной одна за другой начали разворачиваться картины... Вот семь белоснежных лебедей в далёкой стране опускаются на пустынный берег озера. Ударившись о землю, они превращаются в прекрасных девушек-сестёр. Девушки сбрасывают белые одежды, оставляют на песке крылья. Нагие и прекрасные, заходят в сияющую расплавленным золотом солнца воду.

Из зарослей осоки наблюдает могучий юный воин. Глядя на самую младшую из них, сгорает от любви и желания. Он дожидается, пока все сёстры не выйдут из воды, кроме той Единственной, которой теперь принадлежит его сердце. Девушки одеваются и, вновь обернувшись белоснежными лебедями, улетают. Младшая всё ещё плещется в тёплой, как парное молоко, воде.

Пока она не зрит, юноша крадёт одежду. Когда юная дева выходит из озера, то тщетно ищет своё платье из тончайшей ткани и лебединые крылья. Могучий богатырь появляется перед ней, признаваясь в любви, и просит стать его женой. Ведь только в этом случае он вернёт ей одежды и крылья, позволит прикрыть наготу.

– Таргитай... – голос княжны внезапно ворвался в рисуемую музыкой картину, заставив её разлететься на отдельные звуки и исчезнуть. Тарх вздрогнул и отнял сопилку от губ.

Он посмотрел на стоящую перед ним княжну, что протягивает к нему руки. Сердце приналось стучать быстрее, а дыхание перехватило.

– Таргитай! Столько магии в твоём имени... Столько волшебства в твоих песнях!

Ладомира подарила ему улыбку, в которой сплелись покорность, страсть и загадка. Её взгляд прикован к невр, глаза блестят, словно две яркие звёздочки.

– Иди же ко мне, богатырь. Поделись своим волшебством...

Солнце, огромное, тяжёлое, будто налитое кровью, медленно опускается за горизонт. В небе плещется багровый океан. Облака похожи на стадо раненых зверей, от которых тянется кровавый след – от одного края неба до другого.

Тут же полыхает красно-оранжевое, похожее на отблески огромного незримого костра, что горит в незримых обителях вирия.

Таргитай поцеловал княжну в набухшие, похожие на спелые вишни губы и сел на ложе. В раскрытое окно врываются багровые лучи солнца, падая на его волосы и делая их похожими на червонное золото, что струится по обнажённым плечам.

Ладомира лежит рядом, наполовину укрытая простыней. Край ткани расположился чуть ниже раазбухшего от поцелуев соска на груди. Во взгляде девушки чувствуется властность,

самодовольство. Карие глаза со снисхождением смотрят в широкую мускулистую спину невра. Солнце высвечивает на ней каждый шрамик, выделяет красивые выпуклости мышц.

– Теперь перед богами мы муж и жена... Таргитай, я рожу тебе наследника, он вырастет таким же, как ты – мужественным, смелым, полным сил... Таким же красивым и бесстрашным.

Она улыбнулась.

– Теперь ты останешься со мной, а твоя голова – на плечах. Отец погорячился, когда пригрозил тебя казнить. Зато он добрый и заботливый, всё делает ради княжества и своей семьи.

Невр повернулся к княжне. На его лице счастье и облегчение, каких он давно не испытывал. То боги хотят уничтожить мир, разбив Яйцо, то мёртвые восстают из подземного мира, а потом Род даже не приглашает людей в Долину Битвы Волхвов, где собирается отдать Перо Власти – тут не до личного счастья.

Но теперь всё позади, можно расслабиться. А боговство, что ему навязали, пусть идёт к лешему. Он в боги не вызывался, хоромы в вирии не просил. Ему лишь бы дудочка, любимая женщина и бескрайнее небо над головой.

– Ладомира, – проговорил невр, глядя на прекрасную, обнажённую до пояса княжну. – Я теперь с тобой до конца жизни...

Таргитай вытащил дуду, лицо приняло умиротворённое и мечтательное выражение. Он принялся играть простую, незатейливую мелодию. Княжна заслушалась, прикрыла глаза и сладко вздрогнула. Девушка протянула руку, маня невра к себе, а другой рукой отбрасывая простынь со стройных ног.

Таргитай отложил дудочку и уже склонился над Ладомирой, как вдруг за окном раздался отдалённый шум, докатился смех. Тишину разорвали крики боли, ворвались в подёрнутые сладкой негой уши невра. Дивный и уютный мирок вокруг него с глухим звоном рассыпался на осколки.

Он вздрогнул. Оставив застывшую в томном ожидании княжну, дударь подошёл к окну с ясным чувством недоброго.

Широкий двор перед детинцем заполнен народом, ворота распахнуты, видно, что люд толпится и там: женщины, мужчины, старики. Детей взяли на плечи, чтобы лучше видели происходящее.

В центре на деревянном помосте восседает Кологор. У него за спиной знатный боярин. Рядом, держась за спиной, стоит могучий статный воин – певец узнал Альгарона по прозвищу Дикий Бер. У артанца на лице и на лбу темнеют кровоподтёки – последствия их с Таргитаем посиделок в конюшне.

Внизу помоста собрались княжеские гридни. Лица злые, смотрят по сторонам, так и хочется кого-нибудь зарубить, дать отпор, если кто посмеет броситься на князя.

В десятке шагов перед Кологором на широком столе распластался голый по пояс человек. Руки и ноги растянuty в разные стороны ремнями. Лицо заливают смертельная бледность.

Другой несчастный натянут на кол, что врыт в землю рядом с помостом. Пытаемый висит без сил, издает тихие, мучительные стоны.

Щуплый длинноволосый боярин держит развёрнутый пергамент. Откашлявшись, он посмотрел по сторонам и стал читать.

– Вор и разбойник по кличке Росомаха! Виновен в подстрекании к бунту с целью свержения нашего светлого князя! Называл князя Кологора собакой и гадиной! Да понесёт заслуженное наказание!

По небрежному знаку Кологора к привязанному на столе человеку приблизился здоровенный детина. Голову скрывает мешок с прорезями для глаз. В руке блеснул нож, здоровяк начал методично вспарывать приговорённому живот.

Привязанный истошно закричал, крик прокатился по заполненному народом двору во внезапно наступившей тишине. В толпе потрясённо ахнули.

Таргитай с жалостью смотрел, как из широкого разреза едва не вылезают внутренности. Палач методично наматывает на лезвие ножа кишку бедолаги. Тот заходится в страшном крике, силится разорвать путы, но ремни слишком крепки, удерживают надёжно. Глаза от боли и ужаса вот-вот выскочат из орбит.

У дударя передёрнулись плечи. Он отвернулся от окна и посмотрел на княжну. Девушка, сидя на ложе с царственным видом, спокойно встретила его взгляд.

– Почему твой отец так жесток? – спросил он убито. – Весь мир погряз в жестокости, каждый так и норовит причинить боль соседу! Неужели нельзя править так, чтобы князя или царя любили, без ненависти, без страха?

– Отец просто так на плаху не отправляет, – произнесла Ладомира с холодком, который прозвучал одновременно в голосе и блеснул в глазах. – Он казнит воров, предателей и изменников. А ты... ты теперь его подданный и мой будущий муж. Мы пойдём по жизни рука об руку, и тебе лучше привыкнуть к казням.

Княжна встала, пальцы ног погрузились в мягкий ворсистый ковер, и она принялась одеваться, вновь скрывая гибкое стройное тело ослепительной красоты под платьем.

Когда закончила, чёрные волосы водопадом хлынули на спину, она принялась их методично подвязывать лентой.

За окном на миг привязанный к столу пленник закричал так, что у Таргитая по спине побежали мурашки. Невр, даже не глядя, ярко представил муки несчастного и нож, который входит в худое, жилистое тело.

– Таргитай! – молвила вдруг княжна. – Ты должен сложить о моём отце песню! О том, какой он мудрый и победоносный правитель! Как защищает своё княжество, расширяет его пределы! Твои песни цепляют душу, проникают в самое сердце! Сочини – и её будет петь весь народ! Переймут странствующие сказители! Они будут восхвалять моего отца, и его имя запомнится на века!

Она подошла ближе, нежно взяла за руку. Заглянула невру в глаза, которые заволокла горечь. Тонкие пальцы коснулись щеки Таргитая, и он вздрогнул от ледяного прикосновения.

– Сделай это для меня, – попросила княжна. – Как подарок на свадьбу.

Дударь промолчал. Отвернувшись, вновь стал смотреть на собравшуюся внизу толпу. В руках палача сверкнуло лезвие огромного топора. Раздался стук топора о колоду, и голова Росомахи покатилась по деревянному полу.

– Дальше! – крикнул щуплый боярин с пергаментом. – Давайте следующего!

Кологор на помосте небрежно махнул рукой. Лицо приобрело хищное выражение. Зубы обнажились в оскале, словно у зверя, что почуял раненого лося в лесу.

Внезапно среди разношерстной толпы у я помоста невр увидел нечто знакомое. Он вздрогнул, весь сжался в ледяной комок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.